

18+

ПОЛУНОЧНАЯ ДЕВУШКА

Мелисса Грей

О ЧЕМ МОЛЧАТ АНГЕЛЫ...

Полуночная девушка

Мелисса Грей

Полуночная девушка

«АСТ»

2015

УДК 821.111(73)
ББК 84(7 Сое)-44

Грей М.

Полуночная девушка / М. Грей — «АСТ», 2015 — (Полуночная девушка)

Глубоко под мостовыми Нью-Йорка живут птеры, покрытые перьями и владеющие магией. Никто из обычных людей даже не подозревает о существовании этой древней расы. Никто, кроме юной Эхо, для которой птеры стали единственной семьей. Эхо умна и отважна, а главное – бесконечно предана принявшему ее народу. И когда птерам вновь начинают угрожать люди-драконы, их извечные враги, она принимает решение действовать. Ей предстоит найти артефакты, которые, согласно пророчеству, помогут положить конец древнему противостоянию. На этом пути ее ждут потери и разочарование, надежда и любовь.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7 Сое)-44

© Грей М., 2015

© АСТ, 2015

Содержание

Пролог	6
Глава первая	9
Глава вторая	12
Глава третья	15
Глава четвертая	20
Глава пятая	25
Глава шестая	27
Глава седьмая	31
Глава восьмая	35
Глава девятая	40
Глава десятая	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Мелисса Грей

Полуночная девушка

Melissa Grey
The Girl At Midnight

Пер. с англ. Ю. Полещук

Copyright © Melissa Grey, 2015
© Ю. Полещук, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Пролог

В библиотеку Птера пришла в поисках надежды.

Она шагала вдоль стеллажей в главном здании Нью-йоркской публичной библиотеки, держа одну руку в кармане плаща, а второй ведя по потрепанным корешкам популярных книг и покрытым пылью обложкам томов, которые не пользовались читательской любовью. И хотя последний посетитель покинул залы несколько часов назад, Птера не снимала солнечных очков, а ее голову и шею закрывала шаль. В тусклом свете библиотеки темная кожа Птеры казалась почти человеческой, но перья вместо волос и угольно-черные глаза, большие и блестящие, как у ворона, выдавали птератуса.

Она любила книги. Они помогали забыть об обязанностях, о членах Совета старейшин, которые нуждались в помощи Птеры, единственной живой пророчицы, и о войне, тянувшейся многие десятилетия. Более века прошло с последнего крупного сражения, но угроза нападения по-прежнему существовала, и враги следили друг за другом, выжидая, когда один из них сделает ошибку и разгорится пламя, потушить которое будет не под силу никому. Пальцы Птеры замерли: ее внимание привлекло название книги. «Повесть о двух городах»¹. Как было бы славно почитать о чужой войне! Может, удастся забыть о своей. Птера хотела было снять книгу с полки, как вдруг почувствовала, что кто-то легонько дернул ее за карман плаща.

Резким движением Птера схватила воришку за руку. Бледная тощая девчонка крепко сжимала в крошечном кулачке ее кошелек. Широко раскрытыми карими глазами она, не моргая, таращилась на запястье Птеры.

– У вас перья растут, – проговорила девочка.

Сколько Птера себя помнила, ни один человек, увидев ее перья, не реагировал так спокойно. Она выпустила руку воришки, одернула задравшийся рукав, поправила пальто и шаль, закрывавшую голову и шею.

– Отдай кошелек.

Вместо денег в нем лежал мелкий черный порошок, который в руке Птеры наполнялся энергией, но девочке совершенно незачем было об этом знать.

Воришка подняла глаза на Птеру.

– А почему у вас перья?

– Дай сюда кошелек.

Девчонка и бровью не повела.

– А почему вы в библиотеке в солнечных очках?

– Сейчас же отдай кошелек.

Девочка перевела взгляд на зажатый в кулаке кошелек, как будто раздумывая, возвращать его или нет, а потом снова посмотрела на Птеру.

– А почему на вас шаль? Июнь же.

– Для такой маленькой девочки ты слишком любопытна, – ответила Птера. – Уже полночь. Тебя тут вообще быть не должно.

– Вас тоже, – ничуть не смутившись, ответила воришка.

Птера не удержалась от улыбки.

– И то правда. А где твои родители?

Девочка напряженно огляделась в поисках выхода.

– Не ваше дело.

¹ «Повесть о двух городах» – исторический роман (1859) Ч. Диккенса о временах Французской революции. Здесь и далее прим. переводчика.

– Давай так. – Птера наклонилась, чтобы ее глаза оказались вровень с девочкиными. – Ты мне объяснишь, как получилось, что ты в полночь оказалась одна в библиотеке, а я тебе расскажу, почему у меня перья.

Незнакомка бросила на Птеру осторожный взгляд, странный для такой малышки.

– Я здесь живу.

Шаркнув грязно-белым кроссовком по линолеуму, девочка взглянула на Птеру из-под густых темных ресниц и спросила:

– А вы кто?

Не девочка, а шкатулка с вопросами. Кто вы? Что вы? Почему вы? Птера дала единственно возможный ответ:

– Я Птера.

Девочка закатила глаза.

– Ну а зовут вас как?

– Человеку это не выговорить, – пояснила Птера.

Девочка изумленно распахнула глаза и неуверенно улыбнулась.

– Как мне вас называть?

– Зови меня Нашей Птерой. Ну, или просто Птерой: так короче.

Воришка наморщила носик.

– Это же все равно что звать кошку кошкой.

– Пожалуй, – согласилась Птера, – но кошек в мире много, а Птера одна.

Похоже, такой ответ малышку удовлетворил.

– А почему вы здесь? Я раньше никого ночью в библиотеке не встречала.

– Иногда, – начала Птера, – когда мне грустно, я прихожу сюда, чтобы побродить среди книг. Они помогают забыть о проблемах. Как миллион друзей из бумаги и чернил.

– У вас что, нет обычных друзей? – поинтересовалась воришка.

– Да в общем, нет, – без тени печали ответила Птера. И это была сушая правда.

– Жаль. – Девочка взяла Птеру за руку и провела пальчиком по маленьким тонким перышкам, покрывавшим ее костяшки. – У меня тоже никого нет.

– И как же такая малютка пробралась сюда, да так, что никто из сотрудников библиотеки не заметил?

– Я умею прятаться, – чуть смущенно ответила незнакомка, – мне частенько приходилось скрываться. Там, дома. До того, как я пришла сюда. – Девочка решительно кивнула и добавила: – Здесь лучше.

Впервые за все время, что Птера себя помнила, у нее на глазах навернулись слезы.

– Извините, что я взяла ваш кошелек. – С этими словами девочка протянула его Птере. – Мне хотелось есть. Если бы я знала, что вам грустно, я бы выбрала кого-нибудь другого.

Надо же, совестливая воришка.

– Как тебя зовут? – спросила Птера.

Девочка потупилась, но руку Птеры не выпустила.

– Не люблю это имя.

– Почему?

Малышка дернула костлявым плечиком:

– Потому что не люблю тех, кто меня так называл.

Казалось, сердце Птеры вот-вот разобьется.

– Тогда выбери свое.

– А так можно? – с сомнением спросила девочка.

– Можно как угодно, – откликнулась Птера. – Но только подумай хорошенько, без спешки. Имена обладают силой.

Девочка улыбнулась, и Птера поняла, что сегодня вернется в Гнездо не одна. Она пришла в библиотеку в поисках надежды, а нашла ребенка. И только много лет спустя поняла, что это практически одно и то же.

Глава первая

Десять лет спустя

В жизни Эхо следовала двум правилам, первое из которых было очень простым: не попадаться.

Она осторожно заглянула в антикварную лавку, которая ютилась в глухом переулке возле ночного рынка Шилинь в Тайбэе. Вокруг входной двери клубились волшебные чары, точно марево над горячим цементом в жаркий летний день. Если смотреть прямо, не увидишь ничего, кроме обычной железной двери без надписей и табличек, но если наклонить голову чуть вправо, то можно уловить тусклый отблеск защитных заклятий, благодаря которым лавка оставалась невидимой для всех прохожих, кроме тех, кто знает, что ищет.

Сквозь трещины в витрине в лавку сочился свет неоновых огней с рынка. Вдоль стен тянулись полки, уставленные антиквариатом разной степени сохранности. На столе посередине комнаты лежали разобранные часы с кукушкой, висевшей на растянутой пружине. Колдун, державший лавку, заговаривал в основном предметы быта, часть из которых служила довольно-таки гнусным целям. Самые черные заклятья оставляли след. Эхо немало повидала колдовства на своем веку и чувствовала его: казалось, будто мороз пробегает по коже. Главное, не трогать эти вещи, тогда они не причинят вреда.

Эхо провела пальцем по краю стола. Большинство лежавших на нем предметов были изъедены ржавчиной или слишком сильно поломаны, чтобы ими пользоваться. Зеркало с серебряной ручкой было расколото посередине. Стрелки ржавых часов крутились назад. Медальон в форме сердечка был разломан пополам и расплюснен, как будто кто-то стукнул по нему молотком. Исправна была, кажется, лишь музыкальная шкатулка. Эмаль стерлась и местами откололась, но стоя птица, украшавшая крышечку, по-прежнему была отчетливо видна. Эхо раскрыла шкатулку, и из коробочки полилась знакомая мелодия, а на подставке закружилась крошечная черная пташка.

«Колыбельная сороки», – подумала Эхо и сняла с плеча рюкзак. Птере наверняка понравится, хотя она и не признает ни дней рождений, ни подарков на этот праздник.

Эхо потянулась к музыкальной шкатулке, и тут зажегся свет. Девушка резко обернулась: в дверях стоял колдун. Взгляд его белых как мел глаз (единственное, что выдавало нежить) был прикован к руке Эхо.

– Попалась.

Черт! Похоже, кое-какие правила придуманы для того, чтобы их нарушать.

– Вы меня не так поняли, – проговорила Эхо. Не самое лучшее объяснение, но ничего другого ей в голову не пришло.

Колдун приподнял единственную бровь.

– Да ну? Разве ты не решила меня обокрасть?

– Ладно, значит, вы все правильно поняли. – Эхо уставилась поверх плеча колдуна. – Ничего себе! А это еще что такое?

Колдун быстро оглянулся, и за эту долю секунды Эхо успела схватить музыкальную шкатулку, сунуть в рюкзак, перекинуть его через плечо и рвануть к выходу, врезавшись в колдуна плечом. Тот с криком рухнул на пол, а Эхо пулей вылетела на рыночную площадь.

«Правило номер два, – подумала Эхо, на ходу стащив из продуктового ларька булочку со свиной начинкой. – Не знаешь, что делать, – беги».

Заворачивая за угол, Эхо поскользнулась на мокром от моросившего весь день дождя тротуаре. Рынок кишел покупателями, в теплом воздухе витали густые ароматы уличной еды. Эхо откусила кусок булочки и поморщилась: пар обжег ей язык. Горячо, но очень вкусно. Правду говорят: ворованное всегда вкуснее, чем купленное. Эхо перепрыгнула через мутную лужу и едва не подавилась липким тестом и свининой. Есть на бегу труднее, чем кажется.

Она пробиралась сквозь толпу, уворачиваясь от тележек с товаром и зазевавшихся прохожих. Иногда хорошо быть маленькой. Преследовавшему ее колдуну приходилось куда труднее. Сначала он врезался в ларек с булочками, потом на землю с грохотом полетел дешевый фарфор – поделки для туристов. Колдун разразился бранью. Эхо плохо понимала по-китайски, но догадалась, что он обрушил на нее и ее предков град витеиватых проклятий. Люди не любят, когда у них что-то воруют, а уж колдуны тем более.

Эхо нырнула под тент, свисавший почти до земли, и оглянулась через плечо. Преследователь отстал, и между ними теперь было приличное расстояние. Эхо снова откусила от булки, роняя крошки на бегу. Что с того, что за ней гонится разъяренный колдун, обуреваемый жаждой мести, если сегодня она ничего не ела, кроме куска холодной пиццы на завтрак. Голод ждать не любит. Когда Эхо пробежала мимо пары полицейских, колдун крикнул им, чтобы те ее задержали. Они хотели было схватить девушку за рукав, но та улизнула, прежде чем они успели ее поймать.

«Слава богу, – подумала она, стараясь не обращать внимания на боль в мышцах. – Почти на месте».

Эхо заметила ярко освещенную вывеску станции метро Цзяньтань и выдохнула с облегчением: как только окажется на станции, останется лишь найти любую дверь, и она растворится в клубах дыма. Или, точнее, в клубах похожего на сажу черного порошка.

Эхо выбросила недоеденную булочку в урну и сунула руку в карман за мешочком, без которого не выходила из дома. Перепрыгнула через турникет, бросив через плечо небрежное «Извините!» растерянному дежурному по станции. Сзади послышался топот.

Впереди, на платформе, в каких-нибудь пятидесяти метрах, маячила дверь в подсобку, и Эхо знала, что она отлично подойдет. Она запустила руку в мешочек и достала пригоршню порошка. Сумеречная пыль. Можно было взять и меньше, но прыжок из Тайбэя в Париж легким не назовешь. Лучше перебдеть, чем недобдеть, даже если потом порошка может не хватить на возвращение в Нью-Йорк.

Эхо вымазала порошком ручку двери и ворвалась в подсобку. Колдун что-то крикнул ей, но едва за ней закрылась дверь, как его вопль стих вместе с грохотом прибывавших на станцию поездов и гулом разговоров на платформе. На мгновение остался лишь мрак. Девушка не растерялась, как в первый раз, когда путешествовала по междумирию, но все равно ей по-прежнему было не по себе. В пустом пространстве между здесь и там не было верха, низа, левой и правой стороны. При каждом шаге земля сдвигалась и коробилась у нее под ногами. Эхо сглотнула подступившую к горлу желчь и вытянула руку перед собой, не в силах расслышать и рассмотреть что-либо в вакууме темноты. Она вздохнула с облегчением, когда ее ладонь коснулась облупившейся краски двери под Триумфальной аркой.

У путешественников между мирами арка была популярной пересадочной станцией. И если повезет, то колдуну не скоро удастся напасть на след Эхо. Отследить перемещения в междумирии трудно, но все-таки можно, а колдуну с помощью черной магии сделать это куда проще. Как бы Эхо ни любила Париж весной, но надолго остаться не получится. Досадно, подумала девушка. Здешние парки в это время года очень красивы.

Эхо дошла до противоположного конца арки и оглядела толпу в поисках знакомой шапки, натянутой до бровей, чтобы скрыть яркие перья, и зеркальных солнечных очков, которые стоили больше, чем весь ее гардероб. Джаспер не отличался постоянством, но обычно слово держал. Эхо уже хотела уходить и думала, какую выбрать дверь для возвращения в Нью-Йорк, как

вдруг увидела его. Загорелая кожа, блестящие очки. Джаспер помахал ей. Губы Эхо растянулись в широкой улыбке, и она рванулась к нему сквозь толпу.

Добравшись, наконец, до Джаспера, Эхо выпалила, задыхаясь:

– Принес?

Джаспер выудил из сумки, висевшей у него на плече, крошечную бирюзовую шкатулочку, и Эхо заметила, что рама двери за его спиной уже вымазана сумеречной пылью. При желании Джаспер мог быть очень внимательным, но такое случалось нечасто.

– Разве я тебя когда-нибудь подводил? – ответил он.

Эхо ухмыльнулась.

– Постоянно.

Джаспер расплылся в ослепительной, но вместе с тем зловещей улыбке, бросил ей шкатулочку и энергично подмигнул. Эхо привстала на цыпочки и чмокнула его в щеку. Не успел он отпустить в ответ какое-нибудь остроумное замечание, как девушка юркнула за дверь и скрылась в междумирье. Эхо как-то поклялась, что последнее слово всегда останется за ней, Джаспер произнесет его разве что над ее холодным трупом, и до сих пор клятву свою держала.

Во второй раз путешествие сквозь промежуточное пространство далось ей легче, однако ее все равно чуть не вывернуло. Эхо ощупью брела в темноте и поморщилась, когда ее рука наконец-то коснулась двери. Выход на Центральный вокзал всегда был грязноват, даже по эту сторону междумирья.

«Нью-Йорк, – подумала Эхо. – Город, который никогда не бывает чистым».

Она вышла в один из коридоров, ведущих в главный вестибюль. Обогнула информационную стойку в центре зала, пробираясь сквозь толпу туристов, которые фотографировали созвездия на потолке, и пассажиров, ожидающих пригородных поездов. Ни один из них не догадывался, что у них под ногами прячется целый мир, скрытый от людских глаз. Ну, по крайней мере, от большинства. Чтобы его увидеть, надо знать, что ищешь, как в случае с той лавкой в Тайбэе. Эхо выждала несколько минут, не покажется ли колдун. А вдруг ему удалось проследить за ней до самой арки? Девушке совершенно не улыбалась перспектива привести его к своим дверям. Эхо была уверена, что колдуны – плохие гости, хотя, разумеется, этого не проверяла.

В животе у нее заурчало: несколькими кусками булочки со свининой не наешься. Эхо вспомнила потайную комнату в Нью-йоркской публичной библиотеке, которую называла своим домом, и недоеденный бургер на столе. Утром она стянула его у ничего не подозревавшего студента, который дремал, положив голову на потрепанный экземпляр «Отверженных». В этой маленькой краже была своя поэзия, потому-то Эхо и стащила бургер. Ей давно уже не приходилось воровать еду, чтобы хоть как-то прокормиться, как в детстве, но если уж подвернулась такая возможность, то грех было ее упускать.

Эхо повертела шеей, чувствуя, как сковавшее ее напряжение уходит через пальцы. Вслушиваясь в грохот прибывающих и отъезжающих со станции поездов, она постепенно расслабилась. Гул убаюкивал, точно колыбельная. Оглядев напоследок вестибюль, Эхо перебросила рюкзак через плечо и направилась к выходу на Вандербилт-авеню. Ее дом находился всего лишь в нескольких кварталах от Центрального вокзала, а на столе дожидался сворованный бургер.

Глава вторая

До самого закрытия в публичной библиотеке Нью-Йорка засиживались два типа читателей: научные работники; студенты, ошалевшие от кофеина; дотошные аспиранты-гуманитарии, корпящие над диссертациями, честолюбивые преподаватели, метящие на постоянную штатную должность в университете. И те, кому некуда было больше пойти; кто искал утешения в уютном мускусном запахе старых книг, тихом звуке чужого дыхания, шелесте переворачиваемых страниц и поскрипыванье деревянных стульев; кому хотелось верить в то, что они не одиноки, пускай и одни. Такие как Эхо.

Она как тень шла по библиотеке, еле слышно ступая по мраморному полу. Было довольно поздно, так что никто не поднял глаз от книги и не обратил внимания на девушку, с головы до ног одетую в черное, которая оказалась там, где ей нечего было делать. Эхо давным-давно нашла маршрут в обход сотрудников, считавших минуты до конца рабочего дня. А камер видеонаблюдения можно было не опасаться. Американские библиотекари доблестно отстаивали право читателей на неприкосновенность частной жизни, так что никаких камер здесь попросту не было. И это было одной из причин, по которой десять лет тому назад Эхо решила поселиться именно тут.

Она прошагала по узким проходам между стеллажами, вдыхая затхлый запах книг. Вскрабалась по темной лестнице, которая вела к ней в комнатку. Казалось, воздух здесь сгустился, точно по волшебству. Охранные заклинания, которые Птера помогла ей наложить, отталкивали Эхо, но она с легкостью преодолела их сопротивление. Они должны были ее узнавать. А вот если бы на лестницу набрел кто-то другой, то наверняка раздумал бы подниматься, внезапно вспомнив про невыключенную плиту или срочную встречу, на которую уже опаздывает. На Эхо же заклятье не действовало.

Наверху лестницы находилась дверь, самая обычная, бежевая, как у любой другой библиотечной подсобки, но и она была заколдована. Эхо выудила из заднего кармана швейцарский перочинный нож, раскрыла его и уколола кончиком маленького лезвия подушечку мизинца. На пальце выступила кровь.

– Кровью моей, – прошептала Эхо.

Она прижала алую каплю к двери, и в воздухе послышался электрический треск, так что у Эхо волосы на загривке встали дыбом. Раздался негромкий щелчок, и дверь отворилась. Как и каждый раз, возвращаясь в свою тесную комнатку, битком набитую сокровищами, которые Эхо украла – или, точнее, выпустила на свободу – за эти годы, она ногой закрыла за собой дверь и произнесла, ни к кому не обращаясь:

– Солнышко, я дома.

После какофонии криков и шума Тайбэя и гула нью-йоркской толпы в час пик ответная тишина радовала. Эхо бросила рюкзак на пол у письменного стола, который утащила из библиотечной кучи мусора, предназначенного для переработки, и упала в кресло. Включила тянущуюся вдоль всей комнаты гирлянду, которая наполнила уютный уголок теплым светом.

Перед Эхо на столе лежал вожделенный бургер в окружении всевозможных безделушек. Многочисленные вещицы украшали и все свободные поверхности в комнате. Здесь были крошечные нефритовые слоники с Пхукета. Жеоды из аметистовых рудников в Южной Корее. Настоящее яйцо Фаберже, инкрустированное рубинами и отделанное золотом. Вокруг на каждом свободном клочке пространства высились стопки книг, сложенных одна на другую в шаткие башни. Одни Эхо читала и перечитывала по десять раз, другие вообще не открывала. Однако само их присутствие успокаивало. И девушка копила их не менее охотно, чем прочие свои богатства. В семь лет она решила для себя, что воровать книги аморально, но поскольку все эти тома не покидали пределов библиотеки – она всего лишь перенесла их в другое место, –

то с юридической точки зрения это вовсе не кража. Эхо окинула взглядом книжные завалы, и на ум ей пришло одно-единственное слово: *цундоку*.

Так японцы называют явление, когда книги покупают и складывают в стопки, не читая. Слова Эхо тоже коллекционировала. И началось это задолго до того, как она попала в библиотеку, еще в ту пору, когда жила в доме, о котором ей не хотелось вспоминать, в семье, о которой с радостью позабыла бы. В те годы из книг у нее были только устаревшие энциклопедии. У Эхо почти не было вещей, зато всегда были слова. А теперь и тайник с украденными сокровищами – как съедобными, так и не очень.

Эхо поднесла буррито ко рту, собираясь откусить кусок, но ей помешал шорох крыльев. Лишь одно-единственное создание способно было не только путешествовать по междумирию без сумеречной пыли, но и обходить заклятья, не поднимая тревоги, и вечно являлось без предупреждения. Эхо вздохнула. *Вот невежа*.

– Говорят, в некоторых культурах, – начала Эхо, – принято стучаться. Хотя, может, и врут.

Она развернулась в кресле с буррито в руках. В углу, на кровати Эхо, сидела Птера, и черные перья ее чуть трепетали, как от ветра. Но никакого ветра не было. Только электричество в воздухе, вызванное ее силой.

– Не нуди. – Птера пригладила перья на руках. – Что ты как подросток!

Эхо нарочно откусила большой кусок буррито и ответила с набитым фасолью и латуком ртом:

– Я и есть подросток. – Птера нахмурилась, глядя как она с трудом глотает кусок буррито. Впрочем, если Эхо не умела красиво есть, то Птере следовало винить в этом только себя.

– Только когда тебе это удобно, – парировала Птера.

В ответ Эхо не нашла ничего лучше, чем начать жевать с открытым ртом.

– Ладно, – вздохнула Птера, оглядывая полки, уставленные всевозможными блестящими безделушками, – я рада, что ты вернулась, моя маленькая сорока. Стащила сегодня что-нибудь интересное?

Эхо ногой пододвинула рюкзак к Птере.

– Вообще-то да. С днем рождения.

Птера поцокала языком, но скорее от удовольствия, чем от досады.

– Дался тебе этот день рождения. Я и не помню, когда он у меня: слишком уж старая.

– Вот поэтому я сама выбрала для тебя дату, – пояснила Эхо. – Давай, открывай подарок. Меня едва не поймал колдун, у которого я это стянула.

– Всего один? – со смехом проговорила Птера и выудила из рюкзака музыкальную шкатулку с осторожностью, которой та едва ли заслуживала. – Вот уж не думала, что один-единственный колдун может помешать такой талантливой воровке. Ты же сама всегда хвасталась, что можешь, как ты выражаешься, вломиться в дом к любому, самому сильному магу.

Эхо нахмурилась, но выглядела при этом не слишком сурово, потому что к ее нижней губе прилип кусок латука.

– И ты теперь меня этим попрекаешь?

– Кто же еще тебе скажет, что глупо быть такой самонадеянной? – укорила Птера, но добрая улыбка смягчила ее слова. – Молодежь считает себя неуязвимой, пока не убедится в обратном. И обычно это жесткий урок.

Эхо в ответ лишь плечами пожала. Птера окинула взглядом комнату. Интересно, подумала Эхо, что думают о ее жилище посторонние. Повсюду стопки книг, ворованные драгоценности, которых хватило бы, чтобы дважды оплатить обучение в колледже, мятые обертки от шоколадных батончиков. Словом, полный бардак, конечно, но это ее бардак. По морщинке на лбу Птеры, Эхо поняла, что он ей неприятен.

– Далась тебе эта библиотека! Живи с нами в Гнезде. Некоторые птерята, насколько мне известно, будут только рады.

– Мне нужно личное пространство, – только и ответила Эхо.

Она умолчала, что пространство это должно быть подальше от птератусов. Ее гладкая кожа без ярких перьев, как у них, слишком живо напоминала, что она здесь чужая. Эхо не хотелось, чтобы на нее косились, давая понять: пусть она с ними, но не одна из них. А они постоянно бросали на нее косые взгляды, как будто ее присутствие нарушает естественный ход вещей. И даже если за эти годы они привыкли к Эхо, это не значит, что они ее полюбили.

Библиотека была ее домом. Книги не тарасились на нее со злобой, не шептали гадости за спиной, не осуждали. Они были ее единственными друзьями, пока Птера не нашла ее, голодную и одинокую, и не притащила в Гнездо птератусов. Книги были ее семьей, учителями, товарищами. Они ее никогда не предавали, и она их тоже не предаст.

Тяжелый вздох Птеры Эхо знала так же хорошо, как биение собственного сердца.

– Ладно. Делай, как знаешь. – Птера опустила глаза на музыкальную шкатулку, которую сжимала в руке. – Какая прелесть!

Эхо пожала плечами, не в силах удержаться от довольной улыбки.

– Лучшее, что мне удалось найти, учитывая обстоятельства.

Птера склонила голову набок, не отрывая взгляда от шкатулки.

– А почему ты выбрала именно ее?

– Она мне понравилась. Красивая, – ответила Эхо. – И играет твою колыбельную. А что? С ней что-то не так?

– Да нет. – Птера покачала головой. – Скорее наоборот. Ее сделали птератусы, но я таких вещей не видела уже много лет. Даже десятилетий.

Птера, казалось, наобум нажала на стенки шкатулки, и не успела Эхо спросить, что это она делает, как у самого дна открылся потайной ящичек. Птера вытащила оттуда клочок бумаги.

– А это еще что? – изумилась Эхо.

Птера аккуратно развернула бумажку и широко раскрыла глаза от удивления.

– Ого! Ничего себе!

Эхо подалась вперед, но за руками Птеры ей ничего не было видно.

– Что? Что там такое? Не томи.

– Я думала, что мы потеряли ее навсегда. Но точно не знаю. Пока, по крайней мере. – Птера поднялась, сложила бумажку и сунула в один из потайных кармашков платья. – Пошли. Поговорим об этом в Гнезде.

– Может, попозже? – спросила Эхо, помахав перед Птерой буррито. Куски риса и сыра посыпались ей на колени. – Я вообще-то хотела доесть буррито.

Птера приподняла бровь, и Эхо поняла все без слов.

– Ну хорошо, – пробормотала она и завернула буррито в фольгу. Оно казалось таким грустным, одиноким, недоеденным. Печально, что ни говори. Эхо встала, отряхнула джинсы. – Но надеюсь, это того стоит.

– Еще как, – уверила ее Птера, поднялась, и вокруг ее ног закружились чернильные вихри междумирья. Сердце Эхо екнуло от предчувствия того, что сейчас произойдет. Перемещаться по междумирью без надежной поддержки, которую обеспечивают двери, – сущая авантюра. Птера протянула Эхо руку.

– Напомни мне, дитя мое, рассказывала ли я тебе легенду о жар-птице?

Глава третья

Даже толстые каменные стены Крепости виверны не могли заглушить грохота волн, разбивающихся о скалы, и завывания ветра. Океан ревел, с беспощадной яростью обрушиваясь на фундамент. Гай завидовал натиску волн, их неистовству, бешеному исступлению, с которым они так упорно пытались сокрушить твердыню. Он закрыл глаза и на мгновение представил себе капли воды на лице. Если бы он мог позаимствовать у океана хоть малую толику его мощи! Но Гай – не океан, а преграды, с которыми ему пришлось столкнуться, – не податливее каменных стен.

– Ваша верность достойна уважения, – проговорил он, поворачиваясь к пленникам. – Я не шучу.

На полу темницы стояли на коленях два разведчика птератусов. Их запястья были скованы за спиной тяжелыми железными наручниками. Перья, некогда яркие, цветастые, потускнели под толстым слоем крови и грязи. Тот, что слева, с пестрым, как у филина, оперением, покачивался, стараясь удержать равновесие. Второй напомнил Гаю сокола, маленького и гладкого, с зоркими желтыми глазами. Он даже не дрожал. Стоял как скала, спокойно и твердо. Гаю было проще видеть в них птиц, на которых они походили, чем людей: легче сделать то, что он должен был сделать. Сокол плюнул ему под ноги, и капли крови, смешанные со слюной, упали на сапоги Гая.

– Ничего мы вам не скажем. – Сокол держался уверенно и дерзко, несмотря на то, что перед ним сам Повелитель драконов. Что ж, похвально.

Гай кивнул двум стражникам, стоявшим позади пленников. То были огнедышащие драконы, самые грозные воины армии дракхаров. Для двух изможденных птератусов такая мощная охрана была излишней, но иногда не мешало припугнуть. Драконы схватили филина за руки. Сокол с ужасом глядел на них.

– Ты – нет, – проговорил Гай. – А он скажет.

Драконы рывком подняли пленника на ноги и потащили к Гаю. Филин взмолился о пощаде. Голос его звучал так громко, что даже рев океана не смог его заглушить. Золоченые доспехи стражников блестели в неярком свете факелов, горевших в темнице.

Гай положил руку филину на щеку, стараясь не оставить синяка. От его прикосновения пленник вздрогнул и умолк.

– Расскажи мне, что я хочу знать, – негромко и мягко проговорил Гай, как будто выманивая перепуганное животное из укрытия. – И я обещаю, что буду милосерден.

Сокол попытался было подняться, но один из драконов пнул его в колено, и птератус, роняя перья, рухнул на пол.

– Драконы не знают милосердия, – прошипел сокол. В глазах его горела неудержимая ярость. Огнедышащий дракон наступил пленнику на горло каблуком, и тот замолчал.

Гай не обратил на выпад пленника никакого внимания: он пристально смотрел на филина.

– Что вам понадобилось в Японии? Вот уже больше века это земля дракхаров. Что вы там забыли?

Филин облизал запекшиеся губы, поглядывая то на Гая, то на того, кто стоял за его спиной.

«Так не пойдет», – подумал Гай и сильнее сжал лицо пленника, чтобы тот не отвлекался.

– Я всегда держу слово, что бы обо мне ни болтали, – проговорил Гай. – Если ты все расскажешь, обещаю, что проявлю к тебе и твоему товарищу заслуженное милосердие.

Филин проглотил комок в горле и часто заморгал. Его огромные зрачки сужались и расширялись с пугающей быстротой. Наконец он заговорил, но так тихо, что Гаю пришлось наклониться, чтобы расслышать его слова.

– Нас послал генерал.

Гай с такой силой заскрипел зубами, что у него хрустнула челюсть.

– Генерал Альтаир?

Пленник часто-часто закивал, совсем как птица, на которую походил.

Гай провел большим пальцем по щеке филина. Того пробрала мелкая дрожь от пяток до взъерошенных перьев на висках.

– И что же вам велел Альтаир?

– Предатель, – плюнул в товарища сокол. Огнедышащий дракон снова наступил ему на горло, и птератус вскрикнул от боли. Филин трясся всем телом, так что перья на его руках трепетали. Он попытался было оглянуться на сокола, но Гай удержал его голову.

– Продолжай.

Филин снова облизнулся и произнес, то и дело прикусывая нижнюю губу:

– Генерал... хотел, чтобы мы нашли...

Гай сдавил филину горло и провел большим пальцем по бьющейся жилке.

– Нашли что?

– Жар-птицу.

Гай сделал над собой усилие, чтобы его лицо оставалось таким же равнодушным и бесстрастным, каким обычно бывало при дворе. Слишком долго он ждал, чтобы кто-то произнес эти слова.

– И как, удалось?

– Нет. – Пленник покачал головой, как птица.

– Значит, нет, – повторил Гай. Ну разумеется. Как всегда, поиски ни к чему не привели.

Гай выпустил филина и отступил на шаг, едва удержавшись, чтобы не вытереть ладонь о штаны.

– Что ж, спасибо. Мы вознаградим вас за помощь. – Гай снова кивнул огнедышащим драконам. Те оттащили филина назад и подняли сокола на ноги. – Убейте их.

Глаза филина впервые полыхнули огнем.

– Вы же обещали, что будете милосердны.

– Я и так милосерден, – ответил Гай и отвернулся. – Вы умрете быстро.

Птератусов уволокли вглубь темницы. Гай смежил веки. Он видел странные широкие глаза филина так же ясно, как несколько мгновений назад, но тут какой-то посторонний звук нарушил тишину, и образ рассеялся.

Хлоп. Хлоп. Хлоп.

Гай обернулся. Перед ним стояла его сестра, Танит, великолепная в своих золоченых доспехах, даже несмотря на покрывавший их слой сажи и запекшейся ржавой крови. Светлые локоны выбились из косы, мягким золотом обрамляя лицо. Малиновые глаза весело блестели. Это ее огнедышащие драконы поймали двух птератусов, и Танит торжественно привела окровавленных и избитых пленников к Гаю. От усердия сестры ему было тошно.

«Что ж, по крайней мере, хоть один из нас получил удовольствие от этого спектакля», – попытался успокоить себя Гай.

– Молодец, брат. А я уж боялась, что ты утратил былую хватку. – Танит шагнула к нему, звеня доспехами. Плечи ее покрывал длинный тяжелый пурпурный плащ, полы которого с шуршанием волочились по полу. – А вообще-то ты зря стараешься. Жар-птицу не найти, потому что и искать-то некого. Ее не существует, что бы там себе ни воображал этот чокнутый генерал птератусов.

Гай запустил руку в свои темные волосы. За последние недели они заметно отрасли. Интересно, считают ли придворные своего господина неряхой?

– Мне всего лишь нужно чуть больше времени.

– Ты и так его достаточно потратил, – парировала Танит, – на поиски мифического создания, которого и в природе-то не существует. Сказочной птицы, которая, может, вовсе и не птица. Время уходит, твои подданные устали ждать.

– Я их повелитель, – отрезал Гай. – Ради меня подождут.

– Ты их повелитель до тех пор, пока они этого хотят. – Танит покачала головой. Ее золотистые локоны рассыпались по эполетам. Гай и Танит были близнецы, но, кроме пестревших чешуйками высоких скул, у них не было почти ничего общего. Гай всегда был спокойным, мужественным, старательным, Танит же – сама страсть, пламя, ярость. – И лучше бы тебе об этом не забывать.

– Ты мне угрожаешь? – поинтересовался Гай. С такой сестрицей надо держать ухо востро.

– Нет. Я всего лишь говорю то, что есть. – Танит улыбнулась, но улыбка вышла сухой и угрюмой. – Драконы не отличаются терпением. А эта погоня за жар-птицей... полный идиотизм.

Гай отвернулся от Танит и отошел к изысканно украшенному камину, который занимал почти всю дальнюю стену комнаты. По обеим сторонам его сидели два каменных дракона с разинутыми пастьми, так что казалось, будто они выдыхают пламя, вот только угли уже несколько часов как потухли. Гай слышал, как стоявшая позади него Танит переступает с ноги на ногу от нетерпения. Мелко, конечно, но он заставил ее подождать несколько мгновений, прежде чем спросить:

– Ты не согласна с моим решением? – Гай вытер грязные руки о тряпку, лежавшую на камине. Испачкался о филина.

Танит фыркнула. Она никогда не отличалась вежливостью.

– Можно подумать, в первый раз. Или ты уже забыл... как бишь ее звали?

Гай отвернулся. Каменные драконы равнодушно таращили на него изумрудные глаза. Он ничего не ответил сестре. Танит прекрасно помнила это имя, да и он не забыл. Повисло тяжелое молчание: слишком многое они не сказали друг другу.

– Это было давно, – тихо произнес Гай. – Что толку об этом вспоминать. – Интересно, догадалась ли Танит по его голосу, что он врет.

– Те, кто забывает свою историю, – Танит шагнула ближе и посмотрела ему в лицо, – обречены ее повторить. – Сестра подняла руку, и на ее ладони вырос язычок пламени. Танит щелкнула пальцами, и в потухшем камине снова вспыхнул огонь. – Ты с этой жар-птицей снова вляпаешься, а я разгребай.

Гай оперся руками о каминную полку и наклонил голову, так что его длинные волосы упали на лицо и скрыли из виду Танит. Он устал. От этого разговора, от попыток убедить Танит в правильности своих поступков, от необходимости не замечать критических взглядов и недовольного шепота собственных подданных: шло время, а ему нечего было им сказать.

– Жар-птица существует. – Он твердил это уже добрую сотню лет, да только Танит все ему не верила. – Она существует, и это наша единственная надежда положить конец войне.

На его плечо легла маленькая рука, окрепшая за годы битв. Гай не слышал, как Танит сняла рукавицы. Он устал и от этого плохо соображал.

– Жар-птица – выдумка. Сказка. Не более. Ты упускаешь из виду то, что действительно важно.

Вот ведь гадюка. Гай обернулся к Танит.

– Если это не важно, если поиски жар-птицы – пустая трата сил и времени, тогда что важно? Что, по-твоему, важно, если не желание как можно скорее положить конец войне?

– Победа, – не раздумывая, ответила Танит. Для нее все просто. И всегда так было. Гай завидовал такой простоте. Удобно, наверное, так жить. – Ты не хуже меня знаешь, что перемирие – фарс, того и гляди, снова разразится открытая война, особенно если они будут засылать к нам шпионов.

– Как мы к ним? – уточнил Гай.

– Можно подумать, война бывает честной.

– Совершенно верно, не бывает. Я не настолько наивен, чтобы считать иначе.

– Я бы не удивилась, если бы у тебя было другое мнение на этот счет, – парировала Танит. – Скажи, сколько времени ты уже потратил, сколько сил потерял на эти бесплодные поиски?

– Я не считаю их пустой тратой времени и сил. Я лишь пытаюсь помочь нашим подданным, хочу положить конец войне. Если верить пророчествам, это может сделать только жар-птица.

– Я хочу того же, но все пророчества – полная чушь. Нашим подданным нужны конкретные результаты, а не сказки.

«Сказки, – подумал Гай. – Как же мне надоело слышать это слово».

– Ты когда-нибудь задавала себе вопрос, зачем воюешь?

Танит лишь пожала плечами. На ее покрытых грязью доспехах плясали отблески огня.

– Я воюю, потому что это мой долг. Эту кровавую вражду развязали птератусы. А я положу ей конец. Из-за их слепой жажды власти мы утратили могущество. А ведь когда-то дракхары умели превращаться в драконов. В настоящих драконов, Гай! Когда-то мы парили в небесах и опаляли врагов огнем.

На губах Гая показалась еле заметная улыбка.

– И кто из нас теперь пересказывает сказки?

Танит сложила руки ковшиком и дунула в них. Крохотный шарик пламени вспыхнул и повис над ее ладонями, точно блуждающий огонек.

– Некоторые из нас до сих пор дышат огнем.

– Так, да не так: ты его вызываешь. И даже если бы эта старая сказка была правдой, все равно, если мы уничтожим всех птератусов, то не вернем того, что потеряли.

Танит хлопнула в ладоши, и пламя погасло.

– Думай что хочешь. А я верю в то, что вижу и чувствую. Даже если после истребления птератусов к нам не вернется наше волшебство, все равно мне от этого будет лучше. Я добиваюсь справедливости для наших подданных и хочу положить конец угрозе. И тебе бы тоже следовало подумать именно об этом, а не о волшебной птице, о которой ты прочел в книге.

Гай повертел головой и выгнул спину, потягиваясь. Ему давно пора было отдохнуть.

– Не в книге, а в книгах.

– Ну да, половину из которых написали птератусы. В следующий раз смотри, что читаешь. Им нельзя верить.

– Я устал воевать, – тихо произнес Гай. Он знал, что Танит его услышит, а вот прислушается ли к его словам – уже другой вопрос. Понимая, что глупо ее об этом спрашивать, все-таки не смог удержаться: – А ты?

Танит склонила голову набок и прищурилась. В свете факела чешуйки на ее скулах, так похожие на его собственные, радужно переливались. Красные глаза ее блеснули.

– Нет, – отрезала она.

Слово повисло в воздухе, короткое и четкое, словно подводя итог разладу, начавшемуся много лет назад и с годами лишь углубившему пропасть между ними. А ведь когда-то все было иначе. Прежде брат с сестрой были неразлучны. Они носились по залам этой самой крепости, оседлав палки, воображая себя настоящими наездниками, и сражались на тупых деревянных мечях, играя в войну, смысла которой толком не понимали. Но девочка в непослушных золо-

тых кудряшках, с пухлыми ручками, липкими от сладостей, ничуть не походила на женщину, которая стояла сейчас перед ним, величественная и грозная, гордая тем, что запятнала себя кровью врагов. Сестра его выросла и стала красивой, беспощадной и совершенно ему чужой. Иногда он скучал по той девочке, которой Танит была много лет назад, пока битвы и кровопролитие не ожесточили ее.

Взгляд Танит смягчился. На мгновение она стала той, прежней. Не полководцем, а сестрой Гая.

– Мы должны опередить птератусов. Промедление дорого обойдется дракхарам. Я, как и ты, хочу нашим подданным добра.

Гай тяжело вздохнул и отошел от Танит. Он был сыт по горло ею и ее сомнениями.

– Спасибо, Танит, можешь идти.

Сестра бросила на него тяжелый взгляд. Лицо ее было непроницаемо. Гай ждал, что она возразит ему. Как самый старший полководец армии дракхаров, Танит привыкла отдавать приказы, а не исполнять их, но все же Гай был рангом выше ее. Вот уже сотню лет он был Повелителем драконов, самым молодым из всех, кого когда-либо выбирали на этот пост. За годы войн и политических интриг Гай доказал, что достоин этого титула. И его сестре не мешало время от времени напоминать, что корона дракхаров венчает голову Гая, а не ее.

Спустя минуту Танит развела руками в легком поклоне:

– Как прикажете, повелитель.

«Если бы неискренность Танит была золотом, – подумал Гай, – я бы давным-давно стал богачом».

Глава четвертая

Эхо была рада, что не доела буррито. Когда мрак междумирья сменился теплым золотистым светом комнаты Птеры, в животе у Эхо было беспокойно, как на море в шторм, хотя они проделали не такой уж и длинный путь. Гнездо располагалось прямо под библиотекой на Пятой авеню, но, насколько Эхо было известно, никто из людей, кроме нее, не догадывался о его существовании. И каждый раз, когда она путешествовала с Птерой без помощи сумеречной пыли и рукотворных порталов, ее едва не выворачивало. А Птере хоть бы хны. Ее перья оставались такими же гладкими и шелковистыми, черными, как само междумирье. Может, в Птере есть его частица. Тогда понятно, почему она, окутавшись мраком, точно плащом, перемещается куда угодно, с порталом или без. Эхо постояла, привыкая к свету, пока последние полосы темноты не рассеялись в воздухе, точно дым на ветру.

– Так что это за жар-птица такая? – спросила Эхо, потирая живот. – И какое отношение она имеет к этой музыкальной шкатулке?

Птера устало пробормотала себе под нос «ох уж эти дети» и провела Эхо в свое укромное гнездышко с его разномастной мебелью, гобеленами и подушками. По всей комнате были расставлены вазочки с разнообразными конфетами. Пристрастие птератусов к сладкому вошло в пословицу. Эхо помнила, как в детстве зарывалась в подушки и канючила, чтобы Птера перед сном рассказала ей еще одну сказку и дала еще печенья.

Птера опустила в плетеное кресло посередине комнаты и кивнула Эхо, чтобы та тоже садилась. Девушка повалилась лицом вниз на кушетку, обитую бордовым бархатом, от которого слабо пахло лавандой и нафталином, и схватила шоколадное печенье с тарелки, стоявшей на деревянном журнальном столике. От шоколадного печенья любая тошнота вмиг пройдет.

– Ответ на один вопрос повлечет за собой другие. Слушай. – Птера несколько раз повернула ручку музыкальной шкатулки и открыла ее. Полилась металлическая мелодия, и птичка завертелась вокруг своей оси.

– Ну правильно. Колыбельная сороки. Поэтому я ее и взяла. – Эхо вяло пошевелила пальцами, словно дирижировала маленьким оркестром. – Одна сорока – к скорби, две – к смеху и веселью.

Птера нежно улыбнулась.

– Три к смерти, а четыре – к младенцу в колыбели.

– Пять к серебру, а шесть сорок нам золото сулят, – пропела Эхо, и они закончили вместе: – Семь – к сокровенной тайне, что бережно хранят.

Эхо потерлась щекой о колючий бархат кушетки и вздохнула.

– Нет, это все здорово, конечно, но только не говори, что я не доела буррито только для того, чтобы мы с тобой тут повспоминали прошлое.

– Не хами, – бросила Птера и достала из кармана сложенный в несколько раз пергамент. Уткнувшись лицом в кушетку, Эхо глухо пробормотала:

– Вот такая уж я хамка уродилась. – Девушка приподнялась на локтях. – Так ты мне расскажешь, что за таинственную бумажку ты нашла в шкатулке, или нет?

Птера осторожно развернула пергамент.

– Это, дорогая моя Эхо, самая важная карта, которую тебе когда-либо доведется увидеть.

Эхо протянула руку и пошевелила пальцами. Птера замялась, но потом все-таки отдала девушке пергамент. Карта была большая, потертая на сгибах, которые на ощупь казались мягкими, точно вата. Вычерчена она была темно-красными чернилами и так изысканно, что походила на иллюстрацию из книги. Очертания суши были Эхо знакомы. Вот побережье Китая, на востоке изогнулась Япония, а слева – Америка. Возле Японии нарисован какой-то символ, напоминавший не то щит, не то герб, хотя детали стерлись от времени. У северо-восточ-

ного побережья Америки виднелся ключ, соединенный тонкой линией с Нью-Йорком. Границы европейских стран на карте отличались от тех, что знала Эхо. Наверное, карту чертили до того, как по континенту прокатились две мировые войны. Но Франция была более-менее такой же, а в центре ее красовался кинжал. Стрела соединяла несколько наспех нацарапанных рун птератусов со щитом в Японии. И над всем этим парила красная птица, чьи перья напоминали языки пламени. Сверху над птицей было написано несколько строчек какого-то стихотворения.

– Та птица, чей слышен голос, – прочла Эхо, – в полуночном хоре скорбей, восстанет из крови и пепла, чтоб оду пропеть заре. – Она провела пальцами по словам, как будто это могло ей помочь вывести их секрет. – Что все это значит?

– Я думаю, что этот стих – пророчество о возрождении жар-птицы. А руны – координаты, – ответила Птера. – Хотя этим шифром армия птератусов уже давным-давно не пользуется. По крайней мере сотню лет.

– То есть фактически это карта сокровищ, – заключила Эхо. – Пожалуйста, скажи, что мне предстоит настоящее приключение, – я отправлюсь на поиски клада, причем помогать мне в этом будут гномы, эльфы и люди.

– Вполне возможно, – согласилась Птера и внимательно посмотрела на Эхо, будто раздумывая над тем, что еще собиралась сказать. Спустя мгновение она продолжила: – Эта карта приведет тебя к жар-птице.

Эхо хмуро уставилась в пространство между Птерой и картой.

– Как-то все это зловеще звучит. Уж не знаю, выдержу ли я такое на пустой желудок.

Птера наклонилась к Эхо и серьезно проговорила:

– Звезды встали как надо. Я это чувствую. Скоро снова появится жар-птица, и мы должны ее найти. Согласно нашим пророчествам, жар-птица положит конец войне с дракхарами, а уж как именно – зависит от нас.

– Стоп, – перебила ее Эхо. – Отмотай назад. Объясни, каким образом эта птица положит конец войне.

– Видишь ли, жар-птица – не совсем птица.

– Ну разумеется! Это было бы слишком просто, – пробормотала Эхо и откусила кусок печенья. – А кто же она тогда?

Птера печально взъерошила перья.

– Этого мы не знаем. По крайней мере наверняка. Одни говорят, что на самом деле это золотое перо, которое исполняет желания. Другие утверждают, что это название какого-то существа, которое давным-давно вымерло. Есть даже несколько ученых, которые уверены, что эта птица дышит огнем.

Эхо приподняла бровь.

– Как дракон?

Глаза Птеры засияли гордостью.

– Умница. Мифы птератусов и дракхаров в данном случае повторяют друг друга. Нам известно одно: как бы ни выглядела жар-птица, она обладает большим могуществом, и тот, кому она попадет в руки, определит исход войны. А значит, с помощью жар-птицы можно добиться многого. Хотя и не власти.

– Это понятно. – Эхо слизнула крем, выступивший между половинками печенья. – . Но ведь на самом деле никакой жар-птицы не существует, верно? Все это выдумки.

Птера молча уставилась на Эхо. Девушка не отвела взгляда и, глядя Птере прямо в глаза, откусила еще один кусок печенья.

– Подумать только, – проговорила наконец Птера. – А ведь ты выросла в библиотеке.

– Ну и что, – ответила Эхо с полным ртом.

– Ты когда-нибудь перестанешь жевать?

– Не-а. – Эхо проглотила печенье. – Тот, кто знает, что такое голод, никогда не упустит возможности поесть.

Взгляд Птеры смягчился, глаза стали грустными, и Эхо испугалась, что та сейчас скажет что-нибудь сентиментальное. *Надо срочно сменить тему.*

– Кстати, я до сих пор не понимаю, почему дракхары так долго воюют с птератусами. Ну то есть я знаю, что они друг друга ненавидят, но... за что?

Птера тяжело вздохнула.

– Дракхары обвиняют птератусов в том, что за последние годы их могущество ослабло: разумеется, обвинение это огульное. Такое просто невозможно, но от отчаяния согласишься в любой вздор. Волшебство окутывает весь мир. Оно, точно невидимый океан, то затопит собой все, то отхлынет, как во время отлива. И когда дракхары почувствовали, что поток волшебства пошел на убыль, им непременно нужно было кого-то в этом обвинить. Между нашими народами на протяжении тысячелетий существовала с трудом скрываемая неприязнь, возникшая из-за мелких неурядиц, так что птератусы оказались подходящей мишенью. Зерна обиды проросли, дали всходы, и в конце концов уже никто не сомневался: птератусы – корень всех зол. Усобицы множат вражду, ненависть рождает ненависть. Уже и неважно, из-за чего началась война. Мы воюем так долго, что, боюсь, ничего другого и не помним. Но в глубине души я чувствую, что-то начинает меняться. Жар-птица – не просто мифическое существо из сказки, которую рассказывают птератам перед сном. Она возродится, и я вижу это так же ясно, как большую волну на горизонте.

– Дались тебе эти волны. С языка не сходят. – Эхо устроилась на кушетке поудобнее и поставила ноги на старинный сундук из кедра, служивший Птере столиком. Как и вся остальная мебель в комнате, он был непарный.

Птера, поцокав языком, шлепнула Эхо по ноге.

– Тебе все шуточки.

– Вовсе не все, – парировала Эхо. – Кстати, у людей вроде бы тоже есть сказка про жар-птицу. Кажется, я что-то такое читала в какой-то книге про русский фольклор.

– В каждой сказке есть доля правды, – ответила Птера. – Говорят, найти жар-птицу – и к добру, и к худу. И убери ноги со стола.

– Нравятся мне такие двусмысленные в моральном отношении сюжеты. – Эхо опустила ноги на пол. – Ну ладно, допустим, эта самая жар-птица действительно существует. И мне ее надо найти и украсть, верно?

Птера покачала головой, окинула глазами комнату и остановила взгляд на темном ореховом буфете, так плотно уставленном свечками всех форм и размеров, что света от них было, как от большого костра.

– Не все так просто.

– А когда было просто?

– Ну сама подумай. Как найти то – не знаю что? В Древней Птерии это слово обозначало предмет поисков, награду, с помощью которой герой преодолеет все трудности и наголову разобьет врагов. Мы знаем, где искать, но не знаем, что именно. – Птера вздохнула. – Надо мне поработать с картой. Она старая. Мир очень сильно изменился с тех пор, как ее начертили.

– Я могу тебе чем-то помочь? – поинтересовалась Эхо. «Пожалуйста, откажись», – взмолилась она. Нет, она очень любила Птеру, что правда, то правда, но были у Эхо и такие маленькие слабости, как еда и сон.

– Нет, – ответила Птера, не отрывая глаз от карты. – Пока ничем. Только никому не рассказывай. Я не хочу, чтобы генерал узнал о том, что карта у меня.

– Альтаир? – удивилась Эхо. – Он же, если я правильно помню, входит вместе с тобой в Совет, но при чем тут вообще Альтаир?

Птера поджала губы и раздраженно вздохнула.

– Скажем так: некоторое время тому назад Альтаир заинтересовался жар-птицей. При чем он искренне верит в то, что она существует, и вот уже сотню лет посвятил поискам. Постепенно ему удалось убедить в ее существовании не только остальных членов Совета, но и самых отъявленных скептиков. Так что сотню лет назад или около того все проголосовали за то, что при необходимости можно будет развязать военные действия, если поиски того потребуют.

– Надо же, Альтаир командует армией, но и ему, чтобы чего-то добиться, приходится проводить голосования, – заметила Эхо. – И как ему это удалось проверить? Не могу себе представить, чтобы члены Совета, которые обычно занимаются вопросами жилья и продовольствия, вдруг оказались в эпицентре военных интриг.

Птера нахмурилась.

– Пятеро из шести советников проголосовали за то, что нужно отправить на поиски жар-птицы тайного агента. И только я высказалась против.

– Но почему? – удивилась Эхо. – Что плохого, если он найдет жар-птицу?

– Да дело-то не в этом, – раздраженно бросила Птера. – Я не считала и не считаю, что поисками должен ведать именно Альтаир. Птерией управляет Совет, но Альтаиру обычно удается всех убедить в своей правоте. И я боюсь, что в его руках жар-птица может стать оружием массового уничтожения. Я надеюсь, что в один прекрасный день вражда закончится, но миром, а не гибелью врагов и друзей. – Она указала на карту. – Эта карта похожа на ту, которая вот уже сотню лет хранится у Альтаира. И, насколько мне известно, именно тут, – Птера ткнула в координаты у Японии, – оборвался след жар-птицы. Здесь мы потеряли связь с нашим агентом, и Совет вскоре охладел к поискам. С тех самых пор Альтаир тайком засылает туда шпионов, и мне хотелось бы найти жар-птицу до того, как это сделает он. Нельзя ему давать такую власть. Боюсь, это кончится плачевно для нас всех.

Эхо кивнула. Птера всегда была с ней откровенна, но никогда прежде она не рассказывала столько о закулисной стороне деятельности Совета.

– Ладно, буду держать рот на замке. А если он тебя спросит, ты ведь можешь его просто послать к черту?

Птера вздохнула.

– Увы, моя дорогая, не получится. Мы с Альтаиром члены Совета, а значит, наше слово имеет равный вес.

– Но если он такой засранец, его слово, по идее, должно этот вес утратить? – возразила Эхо.

Птера поцокала языком, но по выражению ее обычно непроницаемого черного лица было заметно, что она прячет улыбку.

– Это если бы у нас была диктатура, как у дракхаров.

– Из тебя, кстати, получился бы отличный диктатор, добрый и великодушный, – заметила Эхо. – По крайней мере на несколько лет. А потом в тебе бы проснулся Сталин. – Эхо проглотила последний кусочек печенья. – Власть развращает.

– Я признательна тебе за откровенность, – ответила Птера, – но была бы еще более признательна, если бы ты хоть немного помолчала, пока я пытаюсь разобраться в этих координатах. Я же тебе сказала: шифр старинный, и чтобы его понять, нужно время. Однако, если повезет, он приведет нас к жар-птице, кем бы она ни была и где бы ни находилась. – Птера указала рукой на дверь. – Иди, поиграй с друзьями.

Эхо поднялась с кушетки.

– Вот спасибо.

– Пожалуйста, – рассеянно откликнулась Птера, рассматривая каракули на карте.

Эхо перебросила рюкзак через плечо и направилась к двери. Взявшись за ручку, обернулась и посмотрела на Птеру, склонившуюся над картой.

– Птера!

Та что-то промычала в ответ, но не оглянулась.

Эхо постучала пальцами по ручке двери. Одна сорока – к скорби, две – к смеху и веселью.

– Как можно найти то – не знаю что?

Птера оторвала глаза от карты и, моргая, уставилась на Эхо, как будто вынырнула со дна бассейна. Наконец она заговорила, но голос ее звучал отстраненно, так, словно мысли ее витают где-то далеко:

– Да как обычно. Увидишь – поймешь. И не рассказывай никому.

Глава пятая

Эхо вышла за дверь, но не успела ступить и двух шагов, как ее тут же окружила стайка птерят. С тем же успехом их могли воспитывать волки: старшие птератусы, похоже, совсем не занимались малышкой. Сорванцы облепили Эхо, обхватили за ноги, наперебой стараясь привлечь к себе внимание. Мягкие перышки на их ручках и головках переливались всеми цветами радуги. Лазурные, как у синешеек, ярко-красные, как у виргинских кардиналов, и даже нежно-розовые, как у фламинго. И каждый птереныш пытался перекричать остальных:

– Эхо, Эхо!

– А что ты нам принесла?

– ...конфетки, ты обещала конфетки, в прошлый раз их не было...

– Эхо, Флинт меня толкнул, а я его дернула за перья, а он...

– Тише, тише! – расхохоталась Эхо. – Конфетки принесла. – Стайка радостно загомонила. – Флинт, нельзя толкаться, если тебе нравится Дейзи, ты лучше ей об этом скажи. – Крошечный птереныш с красным оперением недовольно заворчал. – Дейзи, солнышко, если тебя ударили, дай сдачи, как я тебя учила.

Эхо выудила из рюкзака бумажный кулек с разноцветными леденцами.

– Вот, держите, сорванцы. – Она бросила кулек малышке. – Слопайте все сразу, пусть у вас животы заболят. Может, тогда вы поймете, что объедаться сладостями вредно. Мелочь пузатая.

Из арочного прохода, ведущего вглубь Гнезда, послышался тихий смех. Эхо заметила знакомые белые перья и угольно-черные глаза голубки и расплылась в широкой улыбке.

– Приветствую тебя, – Эхо отвесила шутливый поклон, – сестричка из другого яичка.

– Приветствую тебя, Эхо, королева сироток. – Айви сделала реверанс. Они были неразлучны с детства, с тех самых пор, когда Эхо впервые попала в Гнездо и они с Айви подружились так, как могут подружиться только семилетки. Айви махнула Дейзи, которая отпихнула Флинта, помахала в ответ и улыбнулась, зажав в зубах кусок ярко-розового леденца. – Ты для них как Оливер Твист.

Эхо высвободилась из стайки детей, которые утратили к ней интерес, едва она отдала им конфеты, подбежала к Айви и взяла ее за руку.

– Мне всегда казалось, что я скорее Ловкий Плут.²

Она потащила Айви за собой по каменному коридору, ведущему вглубь Гнезда, планировка которого напоминала колесо. Все дороги вели в центр, где находились огромные ворота, служившие птератусам основным выходом в междумирье и в мир за пределами Гнезда. – Это ты у нас Оливер Твист.

– Как скажешь, Ловкий Плут, – рассмеялась Айви. – Я так понимаю, эти леденцы ты ukrала.

– Позаимствовала. – Эхо снова порылась в рюкзаке и нащупала кусок медовика, завернутый в бумагу. – И еще вот это. – Она протянула пирог Айви, которая проворно развернула розовую бумагу и откусила большущий кусок.

Не успев доест медовик, Айви поинтересовалась с набитым ртом:

– А еще есть?

– Фу. – Эхо поморщилась: должны же быть какие-то правила приличия. – Такое ощущение, что тебя вообще не воспитывали.

² *Ловкий Плут* – прозвище Джека Даукинса, юного карманника, героя романа Ч. Диккенса «Приключения Оливера Твиста».

– Ты опять начиталась своих толстенных мудреных книг с заумными словами? – Айви проглотила пирог, причем, похоже, не жуя. Хотя вообще-то так оно и было.

Эхо была не первым ребенком, которого Птера привела в Гнездо. Девушка подозревала, что и не последним. Война многих оставила сиротами. Как Дейзи, Флинта, Айви. Они шагали по залитым теплым светом коридорам, и Эхо кивала знакомым встречным птератусам. Тюльпану с зелеными перьями, который зарабатывал на жизнь тем, что торговал всякой всячиной вроде пуговиц и разрозненных чайных сервизов. Старенькой Иве, которая носила яркие шарфы и пела в метро, а прохожие бросали ей монетки. Голубоглазому Фенхелю, собиравшему фиолетовые соломинки.

– Давай устроим праздник, – предложила Эхо.

– Удачно поохотилась? – поинтересовалась Айви.

– Ну не так чтобы совсем удачно. Пришлось убегать от колдуна и нескольких копов. Еле ноги унесла.

Айви тревожно нахмурилась.

– Эхо...

Эхо взяла Айви за руку и закружила, как Фред Астер – Джинджер Роджерс. По крайней мере Эхо так казалось.

– Не волнуйся. Все хорошо.

Айви сделала па под мелодию, которая была слышна лишь ей одной.

– Первые пятьсот раз было не смешно.

– Пожалуй, – согласилась Эхо. – Главное, что я осталась с добычей, вернулась целой и невредимой, так что, думаю, надо это обмыть.

Айви фыркнула.

– Тоже мне, добыча.

– Да ну тебя.

– И пожалуйста, – ответила Айви, крутанулась еще раз напоследок и, покачиваясь, остановилась перед Эхо. Они добрались до ворот – архитектурного чуда, при виде которого у Эхо неизменно захватывало дух. Венчали ворота два кованых черных лебедя, их клювы соприкасались, образуя арку. На спине у каждого лебедя стояло по массивному чугунному светильнику с факелами, которые горели день и ночь. Эхо и Айви заняли очередь. Перед ними было двое птератусов: коротышка поперек себя шире и статная дама в летах с перьями, чудесного пыльно-розового оттенка на голове.

– Так что ты там говорила насчет обмыть? – Айви шагнула вперед, после того как дама бросила в огонь пригоршню сумеречного порошка. Между шеями лебедей вспыхнуло сияние, дама шагнула в него, взвился клуб черного дыма. Когда дым рассеялся, птератусов уже не было. – Говорят, в Лондоне в это время года просто чудесно.

Эхо взвесила на ладони оставшийся у нее сумеречный порошок в мешочке. До Лондона хватит.

– Ну что, в «Мезон Берто»³?

Айви кивнула.

– В «Мезон Берто».

³ *Maison Bertaux* – знаменитая кондитерская в Лондоне.

Глава шестая

«Мезон Берто» ютился в узком переулочке в Сохо между индийским рестораном и старинным английским пабом: современный Лондон в миниатюре. Витрины кондитерской, украшенные развевавшимися на ветру британскими флагами, ломились от всевозможной выпечки: изящные статуэтки из марципана; профитроли, полные сладкого заварного крема; нежные шоколадные пирожные; тарталетки с вкуснейшими фруктами.

Айви добрых пять минут разглядывала это изобилие десертов, прежде чем сделать заказ, хотя всегда брала одно и то же: чай с мятой и шоколадный эклер. Но все равно каждый раз замирала у витрины, взвешивая достоинства каждого пирожного из всего ассортимента, которым мог похвастаться «Мезон Берто». Эта привычка Айви неизменно умиляла и чуточку раздражала Эхо. Она взяла чайник чая и профитроль. С пирожными в руках подруги поднялись на второй этаж. К счастью, там никого не было. Девушки уселись в дальнем углу за любимым столиком, на столешнице которого была нарисована шахматная доска. Окно возле столика выходило на улицу.

Айви уселась напротив Эхо, обхватила руками в перчатках чашку с горячим чаем и вдохнула его сладкий аромат. Солнечные очки скрывали глаза Айви, так непохожие на человеческие, но Эхо и так знала, что подруга щурится от удовольствия. Айви положила в чашку несколько ложек сахара: после четырех Эхо перестала считать и лишь гадала, остался ли в чашке чай. А уж как подруга умудрялась запивать этим сиропом огромный шоколадный эклер, Эхо и вовсе не понимала. Сама-то она пила «эрл грей» без сахара, лишь добавила в чашку немного молока и помешивала его ложкой, пока белые облака не разошлись и чай не приобрел равномерный песочно-бежевый оттенок. *Вот что значит совершенство.*

– О-о-о, – протянула Айви, отхлебнув глоток своей сахарной водички, и указала подбородком на что-то за плечом Эхо. – Смотри, кто идет.

Не успела Эхо обернуться, как чьи-то ладони нежно закрыли ей глаза и раздался голос, такой же мягкий, как это прикосновение: теплый, глубокий, волнующий.

– Угадай, кто? – произнес голос, и Эхо почувствовала на виске легкое дыхание. В следующую секунду ее чмокнули в щеку.

– Хм-м-м, – задумчиво протянула Эхо. – Авраам Линкольн?

От тихого смеха у Эхо по спине пробежали мурашки, и сладкая дрожь пробрала ее от кончиков пальцев ног до корней волос. Поразительно, как от одного его присутствия у нее внутри все переворачивается, словно одна за другой падают доминошки. А ведь они встречаются уже два месяца. *Он не должен знать, как сильно она влюблена.*

– Нет, – ответил он.

Эхо не надо было видеть лицо Айви, чтобы догадаться: подруга так закатила глаза, что, наверно, могла бы разглядеть собственный мозг.

– Тогда... Джастин Тимберлейк?

Он убрал руки, и Эхо зажмурилась от яркого дневного света. Айви театрально растянулась на столе лицом вниз с таким видом, будто ее сейчас стошнит.

– Нет. – Владелец бархатного голоса плюхнулся рядом с ней. – Всего лишь твой друг и сосед Роуан. Хотя и сексуальный. – Он откинулся на спинку скамьи, вытянул и скрестил длинные ноги и облокотился о столик, стоявший позади него.

В лучах предзакатного солнца его загорелая кожа казалась золотой. Эхо всегда жалела, что Роуану приходится скрывать такую красоту под одеждой. Лондон, конечно, город либеральный, но рыжевато-коричневое оперение Роуана наделало бы переполоху даже в Сохо. Так что короткие гладкие перья, которые росли у него на голове вместо волос, были спрятаны под темно-серой шапкой, а митенки скрывали легкий пушок на костяшках пальцев. Куртка была

застегнута почти доверху, так что виден был лишь треугольник золотистой кожи на шее. Эхо впиалась в Роуана жадным взглядом. Его карие глаза – такие же человеческие, как у нее самой, – блеснули, и девушка догадалась, что он заметил ее реакцию. Они встречались уже два месяца, но Эхо по-прежнему таращилась на него с таким же обожанием, как в тринадцать лет, когда впервые в жизни влюбилась (разумеется, в него).

Айви притворилась, будто ее сейчас вырвет прямо на стол.

– Привет, Роуан. О, привет, рад тебя видеть. Присаживайся. Спасибо. Кстати, почему бы мне не попробовать твой дорожный эклер, – прокомментировала она действия Роуана.

Он улыбнулся и откусил кусок пирожного. Эхо отругала себя за то, что глазееет на его нижнюю губу с прилипшей к ней капелькой крема, а потом еще и за то, что отметила, как он облизывается. Она бы с удовольствием вlepила пощечину собственным гормонам – если бы, конечно, у них было лицо.

– Что же привело самого способного новобранца армии птератусов в это уютное заведение? – поинтересовалась Эхо.

– Скажешь тоже, – притворно засмутился Роуан, но его деланая скромность, разумеется, никого не обманула. – Заскочил к Птере, чтобы тебя повидать. – Он очаровательно улыбнулся Эхо, обнажив ровные белые зубы, и накрыл ее руку своей. – Она сказала, что ты, скорее всего, здесь. А тренировки у нас сегодня отменили. – Он выпустил руку Эхо, чтобы запить эклер ее чаем. И как ему удастся так мило воровать еду? – Говорят, пару дней назад пропала наша разведгруппа, так что Альтаир пока разбирается с этим. А мы отдыхаем.

Эхо забрала у него свою чашку и налила еще чаю. Пальцы у Роуана были длинные и изящные, и чашку он держал так бережно, словно она была из лучшего фарфора.

– Вот уж не думала, что Альтаир вообще знает, что такое отдых, – заметила Эхо.

Роуан пожал плечами и снова потянулся за эклером Айви, но та ткнула воришку вилкой в руку и бросила на Роуана злой взгляд, так не шедший к ее нежным чертам.

– Он строг, но справедлив, – проговорил Роуан, потирая руку, уставился на Айви щенячьими глазами, но та и бровью не повела. – Побольше бы таких.

– Избавь меня от подробностей, – пробормотала Айви. – Я смотрю, тебе успели промыть мозги. Сколько ты всего в армии? Недели две? Тебе только-только исполнилось семнадцать, а ты уже готов, не раздумывая, повторять любой бред, который тебе внушили.

Эхо закрыла лицо руками.

– Пожалуйста, не начинайте снова эту вашу грызню. Так хочется хоть на день забыть, что идет война! Пусть даже холодная. Хотя бы на денек. Всего. На один. – Эхо обвела рукой тесный зал кафе с развешенными по стенам карандашными рисунками в духе Баскии,⁴ рельефными скульптурами из кнопок и пряжи и яркими гвоздиками на каждом столике. – Я хочу хотя бы один-единственный раз обмыть свою удачу с лучшей подругой и своим молодым человеком, – она взмахнула чашкой так энергично, что чай плеснул через край, – в тишине и покое.

В последние несколько недель вражда между Роуаном и Айви достигла пика, и Эхо старалась не думать о том, что, быть может, причиной тому – их с Роуаном зарождающиеся отношения. На всякий случай она добавила:

– У меня от ваших пререканий кусок в горло не лезет.

– Что-то мне в это слабо верится, – пошутила Айви.

Роуан положил руку на колено Эхо, и девушка даже через джинсы чувствовала, какая теплая у него ладонь. Он впиался взглядом в Айви, легонько сжал коленку Эхо и, облокотившись о стол, бросил:

– Знаешь что, Айви, не всем же, как тебе, повезло пристроиться в ученики к лекарю. У тебя-то, конечно, работенка непыльная. Но если уж мне приходится выполнять чьи-то приказы,

⁴ Баския, Жан-Мишель (1960–1988) – американский художник, работал в стилях граффити и неоэкспрессионизма.

так пусть лучше мной командует Альтаир. И никакой он не злодей, что бы вы там себе ни думали. А вам, хиппарям, лишь бы деревья обнимать.

– Деревья? – повторила Эхо, размазывая капли чая по столу. – Неужели хиппи и правда их обнимают?

Айви открыла рот – несомненно, чтобы дать Роуану достойный ответ, но Эхо успела пнуть подругу под столом. Глаза Айви полыхнули такой яростью, что даже солнечные очки не смогли ее скрыть. Ну да ничего, Эхо не привыкать, лишь бы та молчала.

Роуан вздохнул и поднял руки, притворяясь, будто сдается.

– Ладно, Айви, я не собирался с тобой ссориться.

– Так уж и быть, прощаю, – процедила Айви. Высокомерие ей было не к лицу, так что Эхо еще раз ее пнула.

Не успела Айви и глазом моргнуть, как надкусанный эклер исчез с ее тарелки. Роуан расплылся в такой ослепительной улыбке, что еехватило бы, чтобы осветить целое государство.

– Извиняться я тоже не собирался.

Эхо легонько пихнула его локтем в бок и пошевелила пальцами, давая понять, что неплохо бы поделиться добычей. Роуан разломил эклер пополам и большую часть отдал Эхо. Она взяла и улыбнулась: ведь из его рук пирожное наверняка вкуснее. Судя по лицу Айви, у нее дух перехватило от такого предательства.

– Так зачем ты пришел? – поинтересовалась Эхо, не обращая внимания на Айви, глаза которой метали молнии.

– Я же сказал, тебя повидать. – Роуан подался к Эхо, чмокнул ее в губы, встал и потянулся всем телом, подняв руки над головой. Рубашка его задралась, обнажив полоску кожи между курткой и джинсами. Наверняка Роуан это сделал специально, но Эхо, как ни странно, это ничуть не смутило. Улыбнувшись, он проговорил: – А еще хотел сказать тебе, что Птера тебя ищет. Говорит, у нее для тебя какое-то задание.

– Какое еще задание? – переспросила Айви. – Она же только что вернулась.

– Откуда ж я знаю, – ответил Роуан. – Мне сказали – я передал. – Он выудил из заднего кармана потертый кожаный кошелек и бросил на стол пять долларов. Валюта была другого государства, но Эхо все равно оценила жест.

– Так ты к Птере? – Роуан обернулся к Эхо. – Если да, я с тобой.

За спиной Роуана Айви отчаянно махала Эхо, но та старательно делала вид, будто ничего не замечает.

– Ага, – кивнула Эхо и повернулась к Айви: – А ты займешься тем делом?

Айви озадаченно наморщила нос и уточнила:

– Каким делом?

«Лучшие подружки, – подумала Эхо, – все-таки должны уметь читать мысли друг друга». Больше всего на свете ей хотелось побыть наедине с Роуаном, но нужно было, чтобы до Айви дошло ее телепатическое послание. – Ну, то дело, о котором ты мне рассказывала.

Айви еле слышно вздохнула:

– Ах да. Точно. То самое дело. Ну конечно.

Эхо благодарно улыбнулась подруге. Она ей обязана, но рано или поздно непременно оплатит тем же: таковы законы дружбы. Эхо добавила денег к лежавшим на столе с тем расчетом, чтобы хватило заплатить Айви за украденный эклер.

– Ну, тогда я жду тебя снаружи. – Роуан подмигнул, помахал Айви рукой и был таков. Эхо проводила его взглядом. Джинсы идеально обтягивали его бедра, подчеркивая все, что нужно. Айви шумно выхлебала остатки чая и буркнула:

– Не понимаю, что ты в нем нашла.

«Каллитига, – подумала Эхо. – Владелец красивых ягодич».

Полюбовавшись соблазнительным видом, она ответила:

– А я не понимаю, что тут непонятного.

Глава седьмая

Гай лежал в постели, но не у себя в комнате. Голова его покоилась на пышной подушке, мягкой и вкусно пахнущей, а не на темном столе красного дерева, на котором, как смутно припоминал Гай, он заснул. Крики чаек за окном и теплый луч солнца на щеке лишь подтверждали, что это сон, ведь небо над Крепостью виверны всегда закрывали тучи, а птиц на самой северной оконечности Шотландии не видали уже много лет. Тех немногих, кому удавалось пробиться сквозь защитные чары, скрывавшие здешние края от человеческого глаза, сбивали лучники дракхаров: никогда не знаешь, какое обличье примет шпион птератусов.

Постель еще хранила тепло той, что ночью лежала рядом с Гаем. Опершись ладонью о кровать, накрытую мягкой простыней, он перевернулся и зарылся лицом в ее подушку. Та чуть-чуть пахла ею. Она смеялась, когда он нюхал перья у нее на голове и уверял, что они пахнут грушей. «Надо же, – удивлялся Гай, – тебя зовут Роза, а пахнешь ты грушей».

– Терпеть не могу груши, – сердилась она, но все равно улыбалась, а Гаю только того и надо было.

Здесь ему было тепло. И хорошо. Светило солнце, пели птицы, и им ничто не угрожало. Гай догадался, что все это сон.

Он с трудом приоткрыл глаза и тут же зажмурился от яркого утреннего света. Он не увидел ее, но почувствовал, что Роза сидит у окна. Легкий ветерок шевелил черно-белые перья у нее на голове. Она тихонько пела, стараясь не разбудить Гая, и он, сонно улыбнувшись, подхватил мелодию, с трудом попадая в такт. Роза обернулась к нему с легкой улыбкой на губах. Мгновение было прекрасно, как она сама, и спокойно, как озерная гладь.

И в эту минуту полыхнуло пламя и объяло все вокруг.

Ты с этой жар-птицей вляпаешься, а мне опять разгребать.

Вот так Танит исправила его ошибку. Кровью, огнем и смертью.

– Гай!

Скатившись с постели, Гай бросился было к Розе, но наступил на стекло: окно разбилось от порыва ветра. Острые осколки впились в кожу, но Гай не почувствовал боли. Он не видел ничего вокруг, ведь Роза кричала от страха. Нужно спасти ее! Нельзя терять ни секунды! Но в этот момент пламя перекинулось на занавески, и она скрылась из виду. Если он ее не найдет, то потеряет навсегда...

– Роза! – крикнул Гай, но подбежать к ней не смог: уже вся комната была охвачена огнем.

– Гай!

Чья-то сильная рука выдернула его из кошмара. Гай резко поднял голову. Возле кресла стоял на коленях начальник стражи и крепко, словно железными тисками, сжимал его плечо.

– Дориан. – Гай потер лицо, прогоняя сон.

Серебристые седые пряди падали на глазную повязку, которую Дориан никогда не снимал. Единственный уцелевший глаз его был лазурным, точно Карибское море, с темно-синими прожилками, как океан в звездную ночь. На радужной оболочке вокруг зрачка при определенном освещении можно было заметить бирюзовые крапинки. Жаль, что Дориан лишился второго глаза. Повязка была сапфирового оттенка, в тон серебристо-голубому мундиру, но красивое лицо было обезображено шрамами, которые он получил давным-давно, в последнем открытом бою птератусов и дракхаров. Дориан криво ухмыльнулся, и бледные шрамы у него на щеке дрогнули. Глаза, правда, оставались серьезными, но Гаю было достаточно и такого выражения дружелюбия.

Он не сразу понял, где он и что с ним. Не было никакого домика у моря. Не было горящих занавесок и крика. Он сидел за столом красного дерева у себя в библиотеке в окружении высоких стеллажей, заваленных книгами, которые собирал веками. Атласы в кожаных перепле-

тах вперемешку с желтеющими свертками пергамента. Тонкие сборники заклинаний на многочисленных пухлых справочниках по самым разнообразным темам, от средневековой алхимии до брачных ритуалов тропических птиц. В комнате было тихо, лишь потрескивал огонь в камине, искусно выложенном из камня. Вокруг пламени плясали клыкастые виверны, саламандры выдыхали клубы дыма, по берегу полз наг⁵, а в глубине мраморных вод плыл водяной. Когда Гай прищурился, ему казалось, что в волнистых языках огня вся эта нечисть шевелится.

– Гай, – раздался голос Дориана, но он не смог заглушить крика Розы. Гай закрыл глаза и сосредоточился на дыхании. Вдох-выдох. Вдох-выдох. Это всего лишь воспоминания. Здесь только Дориан, и больше никого.

– Что с тобой?

Гай открыл глаза.

– Ничего, – хрипло ответил он. Сон прилип к нему, точно паутина. В камине пылал огонь, и запах горящего дерева был невыносим. – Все хорошо.

Разумеется, он соврал.

– А по тебе не скажешь, – заметил Дориан. Его ладонь по-прежнему сжимала плечо Гая. Он не заметил, как Дориан вошел в библиотеку, даже не услышал, как закрылась дверь, хотя точно знал, что петли насквозь проржавели и сильно скрипят.

– Ты меня звал, – нахмурился Дориан. – Помнишь? Ты ведь вроде еще не впал в маразм, в твоём-то почтенном возрасте?

– Между прочим, мы с тобой ровесники. – Двести пятьдесят лет по меркам дракхаров едва ли можно было назвать старостью. Гай лично выбрал Дориана. Самому молодому правителю в истории дракхаров нужен был самый молодой начальник стражи.

Гай потянулся, так что хрустнул позвоночник. Запрокинув голову, взглянул на выцветшую фреску на потолке. Она повествовала о какой-то давным-давно забытой битве: краски стерлись, так же как память о сражавшихся героях. Вдоль потолка тянулись яркие золотые и оранжевые полосы: дракон в зеленой чешуе изрыгал пламя на стайку птиц. Гай отвел глаза. Кошмар упрямо напоминал о себе клубами дыма и отголоском крика в опаленном воздухе.

Роза не снилась ему давным-давно. Если он чему и научился за годы правления, так это абстрагироваться. Столетие назад, когда его только-только выбрали, он был молод и глуп: неопытный юнец. С тех пор он многое узнал. Воспоминание о Розе невозможно стереть из памяти, но Гай постарался упрятать его подальше. По крайней мере ему так казалось. Видимо, и после смерти Роза так же ловко преодолевала любые преграды, как и при жизни.

– Гай, – окликнул Дориан, невольно понизив голос в тиши библиотеки. – У тебя точно все хорошо?

Стараясь не встречаться взглядом с Дорианом, Гай поискал среди валявшихся на столе вещей карту, которую отобрал у пленных птератусов.

– Вот, – Гай протянул Дориану карту, – смотри.

– Ишь ты. – Дориан неуверенно взял карту из рук Гая и с любопытством уставился на нее. – Да, я слышал про нее.

– Будет тебе притворяться. – Гай вырвал у Дориана карту. – Меня интересует, куда она приведет меня, а следовательно, и тебя. И выяснить это предстоит именно тебе.

– И что же такое, если не секрет, мне нужно будет найти?

– Жар-птицу.

Дориан поднял брови.

– Я не ослышался? Ты сказал «жар-птицу»? Но это же просто безумие.

Гай ничего не ответил и лишь молча впери в Дориана суровый взгляд.

⁵ *Наг* – в индуизме и буддизме змееподобное мифическое существо.

– Как скажешь. – Дориан выхватил у Гая карту. – Значит, ты хочешь, чтобы я ее нашел... но почему именно я? Ведь такого рода поручениями обычно занимается Танит?

– Потому что я тебе доверяю. – Единственное, что мог ответить Гай. Впрочем, Дориану только это и нужно было.

Некоторое время он молча разглядывал карту и наконец поднял глаза на Гая:

– Ты в этом твердо уверен?

– Как никогда. Мне бы хотелось, чтобы эта война закончилась еще при моей жизни, и если жар-птица может помочь, я ее найду. Хватит с нас потерь.

Дориан потянулся было к повязке на глазу, но опустил руку.

– Птератусы верят, что жар-птица принесет им победу. Что если это правда? – Слово «птератусы» Дориан выговорил с трудом, словно изгонял из себя демона.

– Тот, у кого жар-птица, решает, как ею распорядиться, – ответил Гай. – Меня тревожит, что у этих двух шпионов была карта. Это значит, что они вот-вот доберутся до жар-птицы, но если мы их опережим, власть будет в наших руках. И тогда мы положим конец войне на своих условиях.

– Не сочти за нахальство, – проговорил Дориан, – но какие именно у нас условия?

Гай боялся, что Дориан задаст ему этот вопрос. Найти жар-птицу для него значило закончить дело, начатое не им, а Розой. Она искала ее, мечтала о мире, но погибла и не сумела завершить свою миссию. И над дымящимися обломками ее домика у моря Гай поклялся, что сделает это за нее. Дориан же хотел отомстить. За свой глаз, за друзей, павших в сражениях, за все потери, которые он понес из-за птератусов. Гай понимал, что Дориана не переубедить, и лишь ответил:

– Мы хотим, чтобы все закончилось.

Пусть Дориан думает, как ему угодно.

Тот рассеянно кивнул и молча уставился на карту.

Гай вздохнул и спросил:

– Ты считаешь, что это пустая затея? Только честно.

– Какая разница, что я считаю, – ответил Дориан. Вполне возможно, что искренне.

– Ты мой самый близкий друг. Разумеется, мне важно твое мнение. – Наградой Гаю была мимолетная улыбка, но он обрадовался и такой: Дориан редко улыбался.

– Если честно, я не очень верю в жар-птицу, – заметил Дориан, водя пальцем по карте.

Гай ущипнул переносицу, стараясь отогнать подступающую головную боль. Не помогло. Как ни странно.

– В общем, ты такого же мнения, как и Танит, просто высказал его вежливее. Кстати, если бы жар-птица все-таки попала к ней в руки, едва ли бы тебе понравилось, как Танит обошлась бы с нею. Ты же знаешь, она готова воевать с птератусами до победного конца.

– Ну... Танит есть Танит, – с нескрываемым презрением ответил Дориан. Он на дух не переносил Танит: слишком уж оба были не похожи. Дориан поднял глаза от карты и посмотрел на Гая. – Но мой повелитель – ты, и я выполню любой твой приказ. Даже такой бессмысленный.

Гай ухмыльнулся.

– Я знал, что не зря тебя выбрал.

– Я думал, ты выбрал меня потому, что я чертовски обаятелен и красив.

– Это само собой.

– Так куда мне предстоит отправиться? – спросил Дориан. – В этой карте ничего не разберешь.

– Потому что она на птератском, – пояснил Гай. – Ты поедешь в Киото.

– Отлично, заодно и сакурой полюбуюсь. Она вроде бы как раз сейчас цветет. – Дориан сложил карту и спрятал в карман. – А что конкретно нужно найти?

Ответить на этот вопрос было куда сложнее.

– Не знаю, – признался Гай. – Нам известно, где искать, а что – неизвестно. Покопайся, посмотри, что удастся обнаружить. Кто-то должен что-то знать. Просто обязан.

– Вот и хорошо, – кивнул Дориан. – Я уж боялся, ты будешь ходить вокруг да около.

– Как ты разговариваешь со своим повелителем?!

Дориан отвесил глубокий поклон, но в уголках его губ таилась улыбка:

– Простите меня, мой господин.

Гай понимал: если Дориан подтрунивает над ним, значит, все в порядке. Обстановка при дворе становилась все напряженнее, и было приятно осознавать, что у него еще остались друзья, пусть и немногочисленные.

– Ваша искренность льстит мне, уважаемый начальник стражи. А теперь идите. Возьмите с собой лучших воинов и поторапливайтесь. Я хочу, чтобы к утру вы нашли жар-птицу и принесли ее мне.

– К утру она будет у вас. – Дориан выпрямился, резко кивнул и пошел к двери.

Гай ни секунды не сомневался, что может целиком и полностью доверять Дориану, но кое-что лучше все-таки сказать.

– Дориан!

Тот обернулся, вопросительно приподнял бровь.

– Не говори никому.

Глава восьмая

Путешествие с Чаринг-кросс-роуд до Центрального вокзала оказалось быстрым и приятным. Роуан вел себя как истинный джентльмен: открывал двери в междумирье и всю дорогу не выпускал руку Эхо. И если Айви не понимала, что в нем хорошего, – что ж, сама виновата. Роуану уже исполнилось семнадцать, он был всего на несколько месяцев старше Эхо, но выглядел старше своих лет. Он держался настолько уверенно, что казалось, будто родился таким.

Миновав стражей в одном из заброшенных туннелей пригородной железной дороги «Метро-Норт», они очутились в Гнезде. Главный вход в Гнездо находился прямо под самой оживленной частью рельсовой нитки. Там волшебство сильнее всего, как объяснила Птера охваченной благоговейным страхом семилетней Эхо. Миллионы пассажиров, прошедших через эту станцию, и тысячи поездов истончили покров между этим миром и тем, направляя магическую энергию прямоком к входу в Гнездо.

Эхо покосилась на Роуана – незаметно, как ей казалось, – и обнаружила, что он тоже смотрит на нее с легкой улыбкой, от которой по спине у девушки снова пробежали мурашки. Эхо была умна, но при виде Роуана отчаянно глупела. И это ее смущало.

– А интересно, – Роуан обнял Эхо за плечи, – что Птера поручит тебе украсть на этот раз? Как думаешь?

Эхо взяла Роуана за руку. Он расплылся в улыбке, и Эхо так же широко улыбнулась ему в ответ.

– Не скажу. – Она сделала жест, будто закрывает рот на замок.

– Да ладно. – Роуан повернул Эхо лицом к себе и повел ее, как в танце, нежно обхватив руками за талию. Чем дальше они отходили от сутолоки у главного входа, тем смелее были их ласки. Даже те из птератусов, кто не имел ничего против Эхо, косо смотрели на их с Роуаном роман. – Что же это за тайна такая, о которой ты не можешь рассказать даже своему парню?

Эхо остановилась, поднялась на цыпочки, положила руки Роуану на плечи и прижалась лбом к его лбу. А ведь в детстве они были одного роста.

– Я обещала Птере, что никому ничего не скажу, – пояснила Эхо. – Даже тебе.

Роуан склонил голову набок. Стоило им переступить порог Гнезда, как он снял шапку и весело тряхнул головой, расправляя короткие перья. Они переливались тысячью оттенков золота и бронзы с вкраплениями меди. Перья блестели в тусклом свете факелов на стенах каменных коридоров, ведущих к комнате Птеры.

– Ну, как хочешь. – Роуан убрал руки с талии Эхо, но не успели они пройти и нескольких шагов, как он снова взял Эхо за руку. Они приближались к жилой части Гнезда: здесь уже двери выглядели по-разному. У одних лежали коврики с приветственными надписями, у других стояли горшки с пряными травами. Комната Птеры находилась в самом конце коридора. Роуан замедлил шаг, разглядывая гравий и деревянные мостки. Он был непривычно молчалив. Обычно Роуан лучился радостью, сейчас же отчего-то хмурился.

– Ты не боишься? – спросила Эхо.

Роуан вскинул голову и уставился на нее, покусывая нижнюю губу. В любое другое время Эхо залюбовалась бы тем, как он стискивает губу зубами, но сейчас Роуан держался напряженно, и это мешало.

– Чего? – тихо уточнил он.

– Сам знаешь чего. – Эхо сжала его ладонь и пнула камешек. Тот отлетел куда-то вбок и ударился о разбитые доски, выстилавшие пол. – Ты же стал новобранцем. Служишь под началом Альтаира. Тебя могут отправить на войну. Ну и так далее.

– А почему я должен этого бояться? – Роуан выдавил из себя улыбку и крепче взял Эхо за руку. У девушки екнуло сердце. Странная штука любовь: тебе больно, но ты все равно счастлив.

Эхо поднесла руку Роуана к губам и поцеловала каждую костяшку его пальцев. Он снял перчатки и спрятал их в задний карман, так что нежные перышки на его руках щекотали Эхо нос. Она взяла Роуана за другую руку и спросила:

– Ты ведь знаешь, что со мной не нужно прикидываться, будто все хорошо?

Роуан фыркнул от смеха.

– Да я даже и пытаться не буду. Все равно ты меня насквозь видишь. – Он потупился, и Эхо догадалась: что-то не так.

– Что с тобой? – спросила она. – Учеба не ладится?

– Да ничего особенного, – грустно вздохнул Роуан. – Просто тяжело, понимаешь? И напарник попался... усердный.

Новобранцы тренировались в паре. Всем новичкам назначали напарника. Эхо слышала, что Альтаир имел обыкновение ставить в пару тех, кто не ладил между собой, чтобы научить их работать в команде. Эхо не знала никого спокойнее и добродушнее Роуана. Видимо, партнер оказался его полной противоположностью.

– И кто же это? – спросила она.

Роуан замолчал. Они подошли к двери в комнату Птеры. С притолоки на них таращились три железных ворона. Прошло несколько неловких секунд, и наконец Роуан ответил:

– Руби.

Эхо так поспешно бросила руку Роуана, словно это был раскаленный уголь.

– Руби? Та самая Руби, которая ненавидит меня так сильно, что один мой вид доводит ее до белого каления? Та Руби, которая из кожи вон лезет, лишь бы испортить мне жизнь с того самого дня, как я появилась в Гнезде? Та Руби, которая всю жизнь в тебя влюблена? Эта Руби?

Роуан поморщился.

– Ну да. Она.

Из-за угла появилась небольшая компания птератусов. Они скользнули взглядом по Роуану и Эхо, заметили повисшее между ними напряжение. Двое принялись перешептываться. Одна птерянка хихикнула, прикрывшись ладошкой. Эхо ждала, пока они пройдут и повернут налево в конце коридора. Убедившись, что их никто не слышит, Эхо спросила:

– Почему ты мне ничего не сказал?

Роуан беспомощно пожал плечами.

– Не хотел тебя расстраивать. Она все равно думает только о том, как произвести впечатление на Альтаира. И потом это просто учеба. Тем более я знаю, что ты Руби терпеть не можешь.

– Неправда. – Эхо понимала, что ее слова прозвучат малоубедительно, но не могла не возразить. – Это она меня терпеть не может. А ты ей нравишься. Причем очень сильно.

– Ну да, но... – Роуан шагнул к Эхо и прижал ее к стене. – Мне нравишься ты. Причем очень сильно. – Он улыбнулся, и Эхо в который раз отметила, какие у него красивые губы. Роуан откинул собранные в хвостик волосы Эхо с ее плеча, наклонился и уткнулся носом ей в шею. Это был даже не поцелуй, он просто прижался губами к ее коже, но у Эхо все равно по спине пробежали мурашки.

– В этом нет ничего плохого, – тихо проговорила Эхо. Ворот куртки Роуана заглушал ее голос. – Бояться нормально. Я вот боюсь.

Роуан отстранился и посмотрел на Эхо. В его карих глазах читалась тревога.

– Того поручения, которое хочет дать тебе Птера?

– Глупенький, нет, конечно. – У Эхо вдруг пересохло во рту. Разговоры о чувствах давались им обоим непросто. – За тебя.

– Приехали. – Роуан чуть отступил от Эхо. Ей хотелось обнять его, прижать к себе, но она удержалась. – Что за чушь? У меня все в порядке. Это я за тебя боюсь.

– За меня?

– Именно. Птера посылает тебя черт знает куда воровать. Я слышал, за тобой даже гнался колдун.

Эхо вздохнула так шумно, что выбившиеся из ее хвостика пряди волос взвились надо лбом.

– Да уж, вести не ждут на месте.

– Птератусов много, а поводов для сплетен мало. – Роуан снова улыбнулся, на этот раз широко, как раньше. – Так что имей в виду, я за тебя волнуюсь.

Эхо с трудом заставила себя посмотреть ему в глаза.

– Правда?

– Ну конечно, правда! – Свободной рукой Роуан убрал ей за ухо непослушную прядь волос. Сердце у Эхо замерло, но она и под пытками не призналась бы в этом. – Будь осторожна, хорошо?

– Осторожность – мое второе имя.

Роуан тихо рассмеялся. Его голос был таким же мягким, как перышки у него на голове...

– Я-то думал, твое второе имя – опасность.

– Это было на прошлой неделе.

– Да ну?

– Ну да.

Роуан неохотно отнял у Эхо руку.

– Мне надо идти, – сказал он, как показалось Эхо, с сожалением.

Ей очень хотелось попросить Роуана остаться, но вместо этого она проговорила:

– Альтаир ждет.

– Ага. – Роуан засунул руки в карманы. – Не хочется, чтобы у него с самого начала сложилось обо мне дурное впечатление. – Он наклонился к Эхо. Губы его были совсем близко, но он ждал, что она поцелует его первая. Все-таки он джентльмен, что бы ни говорила Айви. Эхо обвила руками его шею и притянула Роуана к себе. Когда они целовались, она чувствовала, что он улыбается.

Kalverliefde, подумала Эхо. *Эйфория, которую чувствуешь, когда влюбляешься в первый раз.*

Любовь. Сколько смысла в одном коротеньком слове, подумала Эхо, но Роуану ничего не сказала. Она запустила пальцы в нежные перышки на его шее, и он снова улыбнулся. Когда Роуан отстранился от нее, Эхо показалось, что он забрал с собой частичку ее сердца. На прощанье он чмокнул ее в нос и произнес:

– Ну, я пошел?

Роуан развернулся и направился в ту сторону, откуда они пришли, к казармам в другом конце Гнезда. Эхо закрыла рот рукой. Она все еще чувствовала на своих губах прикосновение его губ.

– Если ты закончила, дорогая, то у меня для тебя есть задание.

Вспыхнув от злости, Эхо обернулась. В дверях стояла Птера. Глаза ее светились беззвучным смехом.

Эхо покраснела так, словно под кожей у нее текла не кровь, а раскаленная лава.

– И давно ты так стоишь? Ты подсматривала? Что ты видела?

Птера подняла руки.

– Мне тысяча лет, я уже видела все, что только можно. Заходи, я расскажу тебе, что нужно будет сделать.

Не дожидаясь ответа, Птера скрылась в комнате. Окинув напоследок взглядом коридор – Роуана и след простыл, – Эхо последовала за ней. Внутри все оставалось таким же, как в прошлый раз, вот только вместо шоколадного печенья в вазочке лежали миндальные пирожные с кокосом. Фу, гадость, подумала Эхо.

Птера подошла к столу в центре комнаты, достала карту из музыкальной шкатулки и протянула ее Эхо:

– Я расшифровала координаты и, кажется, поняла, где именно спрятана первая вещь, – та, которая в Японии. Карта старая, мир сильно изменился с тех пор, как ее начертили, но если вещь по-прежнему там, где ее оставили, ты найдешь ее без особого труда. Точное местонахождение я написала на обороте.

На задней стороне карты небрежным почерком Птеры – вообще-то, подумала Эхо, практически бессмертное существо могло бы писать и поаккуратнее, – был нацарапан адрес в Киото. Прищурившись, Эхо посмотрела на карту, и ее охватил страх.

– Гм. – Она указала на место, где, предположительно, была спрятана вещь. – Но это же в самом сердце азиатских владений дракхоров.

– Увы, – вздохнула Птера. Выражение ее лица смягчилось. – Если не хочешь, не ходи, я не заставляю. В конце концов, ты еще ребенок.

Эхо понимала, что Птера не хотела ее обидеть, но эти слова лишь укрепили ее решимость. Если Роуана могут послать на войну, так уж Эхо тем более может отправиться на поиски в тыл врага.

– Разве я когда-нибудь отказывалась от твоих поручений? – Эхо перевела взгляд с карты на Птеру. – Дело не в этом... ты говорила, что карта приведет к жар-птице. Но эта штука, – Эхо ткнула пальцем в изображение то ли щита, то ли герба, – ничуть не похожа на птицу. То есть, конечно, я все равно ее найду и украду, просто хотела тебя предупредить.

– Я же тебе объясняла: жар-птица на самом деле никакая не птица. Увы, я понятия не имею, как эта карта поможет нам в поисках, могу лишь надеяться, что прольет хоть какой-то свет. – Она со вздохом опустила на подлокотник бархатного кресла. – Ты должна понять: это задание ничуть не похоже на предыдущие. Оно опасно, гораздо опаснее всех моих прежних поручений, и должно остаться в строгом секрете даже от птератусов. Никто не должен знать о том, чем ты занята. И особенно – Альтаир и его подопечные. И когда я говорю «подопечные», я имею в виду их всех, без исключения. – Птера бросила на Эхо строгий взгляд. – Даже самых красивых. – Эхо зарделась. – В руках Альтаира жар-птица станет оружием.

Эхо фыркнула. Альтаир терпел ее присутствие лишь потому, что Птера была одним из самых уважаемых членов Совета, но это еще не значит, что он к ней хорошо относился.

– Ладно, договорились, я никому не скажу ни слова об этом волшебном оружии массового поражения, – пообещала Эхо. – И когда в следующий раз Альтаир придет ко мне в гости, чтобы посплетничать о парнях и заплести друг другу косички, я о жар-птице даже не заикнусь.

Птера крепко сжала руку Эхо.

– Я не шушу.

– Я тоже, – ответила Эхо. – Не станет Альтаир совать нос в мои дела. Он меня терпеть не может. Если я загорюсь, он на меня даже не плюнет, чтобы потушить. – Эхо накрыла руку Птеры своею. – Не бойся, я все поняла и справлюсь. Пусть у меня нет перьев, но вы моя единственная настоящая семья. И если жар-птица нужна тебе и птератусам, я ее найду. Даже если для этого придется сразиться с самим Повелителем драконов.

Птера с улыбкой похлопала Эхо по руке.

– Будем надеяться, до этого не дойдет. – Она испустила усталый вздох. – Я понимаю, что ты скорее всего совсем без сил, но отправляйся как можно скорее, хорошо?

– Для тебя – все что угодно. – Эхо вспомнила про почти пустой мешочек с сумеречной пылью в кармане куртки. – Только заскочу к Перрину в лавку, возьму кое-что.

Эхо подошла к Птере, чмокнула ее в щеку, такую же черную, но без перьев. Птера шутиливо оттолкнула ее, но та и сама уже уходила.

– Эхо! – окликнула Птера, когда девушка была уже на пороге.

Эхо обернулась и, придерживая бедром открытую дверь, спросила:

– Что?

– Не рассказывай никому. Даже друзьям.

Глава девятая

Шрам зудел. Так бывало, когда Дориан волновался, злился, в общем, испытывал любое сильное чувство. Или когда собирался дождь. Но сейчас шрам чесался явно не на погоду. С трудом удерживаясь, чтобы не потерять веко, Дориан смотрел на трех своих подчиненных-стражников, которые выстроились на скалистом берегу за стенами крепости. В любое другое время на них были бы зелено-бронзовые доспехи – цвета Гая, – но сейчас Дориан приказал им одеться в гражданское и прикрыть чешуйки. Им нельзя было привлекать к себе внимание.

Чтобы перенестись вместе со стражниками на берега реки Камо в Киото, он мог бы воспользоваться массивной аркой на территории крепости, но предпочитал естественный портал между сушей и морем. Вода всегда манила Дориана, словно звала домой, и океан был ему куда милее холодного железа главных врат крепости.

Дориан засунул палец под повязку, которую носил, чтобы прикрыть изувеченную глазницу. Однако стоило ему коснуться заскорузлого шрама в том месте, где когда-то был глаз, как зуд усилился. Столько времени уже прошло, но он к этому так и не привык. Сама повязка не давала ничего забыть. Все дракхары знали, что Дориан лишился глаза в битве с птератусами, и прятал он свое увечье лишь потому, что под любопытными взглядами шрам нестерпимо чесался. Тщеславие, конечно, но есть грехи и похуже.

Ты мой повелитель, и я пойду за тобой на край света.

Дориан рассмеялся бы над этими словами, но это был бы смех над самим собой. Он давным-давно научился говорить только то, что от него хотят услышать. Да, он действительно был готов пойти за Гаем на край света и даже в ад, если бы только Гай намекнул Дориану, что нуждается в его обществе.

Воспоминание об их знакомстве саднило, как незаживающая рана. Это случилось в тот день, когда Дориан потерял глаз. Он тогда был новобранцем: его только-только отобрали на службу из многих и многих дракхарских сирот, рвавшихся доказать свою смелость и показать, на что они способны. Битва казалась Дориану чудесным приключением. Он мечтал, что завоеует честь и славу, а вместо этого получил ножом в глаз. Дориан лежал на скалистом берегу, так похожем на тот, где он стоял теперь, посреди забытого богом клочка земли в Гренландии, и умирал от боли. Все его сознание свелось к пульсирующей пустоте там, где прежде был его глаз. Пряди серебристых волос прилипли ко лбу, залитому его собственной кровью. Он не видел ничего из-за красной пелены, застилавшей оставшийся глаз. Река, у которой лежал Дориан, кипела розовой пеной от крови павших. Ледяная вода обжигала раны, но у него не было ни сил, ни желания двигаться.

Птератус, лишивший Дориана глаза, головорез с пронзительным взглядом орла и бело-коричневыми перьями, заляпанными кровью, бросил его умирать посреди тел товарищей. Кто-то еще корчился в агонии и в изнеможении шептал последние молитвы. Они вот-вот испустят дух, как и Дориан. В холоде и одиночестве. Как когда-то его родители. Он едва помнил, как они выглядели. У матери были серебристые волосы, точь-в-точь как у него, но воспоминание о ней было призрачным и расплывалось. В эту минуту он понял, что скоро встретится с ней.

И тут Дориан увидел его.

По полю, усеянному мертвыми и умирающими воинами, шел незнакомец. Носком сапога он переворачивал раненых, решая, кого добить, кого спасти. На этом поле смерти он был единственной надеждой на жизнь. Дориан открыл рот, чтобы крикнуть, умолая о смерти или спасении. Перед началом битвы он мечтал о награде за свой ратный подвиг, но теперь лежал, захлебываясь кровью. Наконец он прохрипел:

– Помогите...

Темноволосый незнакомец обернулся. Их взгляды встретились, и Дориан едва не разрыдался. Лицо его было покрыто грязью и потом; тем резче выделялись на нем сияющие зеленые глаза, так редко встречавшиеся у дракхаров. На скулах незнакомца виднелись запыленные чешуйки. Он направился к Дориану, аккуратно переступая через искалеченные трупы и разбитые щиты. Так странно было думать о том, что утром это все исчезнет. Маги птератусов и дракхаров наведут порядок на поле боя, как служанки после буйной попойки. Об этом условились обе стороны. Они сражаются. Умирают. Но не оставляют следов.

Когда воин наконец добрался до Дориана, тот подумал, что перед ним призрак. Невозможно так хорошо выглядеть после долгой и жестокой битвы. Однако незнакомец опустился на землю рядом с ним, испачкав колени в крови, которая, точно нимб, окружала голову Дориана, и осторожно убрал волосы со лба раненого. Дориан попытался отвернуться, спрятать обезображенное лицо, но незнакомец не позволил.

– Как тебя зовут?

Дориан опешил. Кто же в такой ситуации задает подобные вопросы?

Наверное, эта мысль была написана у него на лице, поскольку незнакомец улыбнулся и представился:

– Меня зовут Гай.

Чем больше Гай говорил, тем быстрее к Дориану возвращалось сознание. Он заметил знаки отличия на доспехах Гая и бронзовую булаву в виде дракона, которой были сколоты полы плаща. Эмблема Повелителя драконов. На пороге смерти Дориан встретился с самим Повелителем драконов! Кто бы мог подумать? Каким-то чудом он нашел в себе силы выговорить свое имя.

Гай сдержанно кивнул.

– Встать можешь?

Дориан покачал головой.

– Тогда держись за меня.

Дориан взял Гая за руку.

Тот едва заметно улыбнулся, но Дориану его улыбка показалась ослепительной.

– Ты мне веришь?

Более нелепого вопроса ему не доводилось слышать. Гай был его повелителем, и пока в жилах Дориана есть хоть капля крови, он пойдет за ним на край света. Дориан кивнул. Крепко сжав руку Дориана, Гай закрыл глаза и глубоко вздохнул. Их втянуло в междумирье, и они исчезли. Оставив суровый скалистый берег, переместились в Крепость виверны, о которой Дориан прежде мог только мечтать. Два десятилетия спустя Дориан дослужился до начальника личной стражи Гая.

Первая битва, в которой Дориан едва не погиб, безусловно, стала самым значимым событием в его карьере, пусть и не самым блистательным. Он нашел того, кому был предан душой и телом, и с тех пор всегда и всюду следовал за Гаем.

Дориан потирал пустую глазницу, вспоминая о прошлом, как вдруг кто-то похлопал его по плечу, отвлекая от раздумий. Он обернулся. Увидев, кто стоит перед ним, он поднял глаза к небу, словно вопрошая: «За что?»

– Глубоко же ты задумался, как я погляжу. – Танит по-прежнему была в золотистых доспехах, которые сияли даже в сумерках. – Смотри не утони.

– А, это ты, – вздохнул Дориан. – Смешная шутка. Обхохочешься.

Молчание.

– Мило, – наконец заметила Танит. – Жаль, мой брат тебя не видит.

Несмотря на свой ранг и звание, Дориан не был ни груб, ни жесток, однако сейчас у него кулаки сжались от злости. Но бить главнокомандующего армии дракхаров недопустимо. Ни при каких условиях.

– Чем могу быть полезен? – спросил он, чтобы не сорваться и не ударить Танит.

– Это я пришла спросить, могу ли чем-то помочь, – улыбнулась Танит. – Кстати, куда ты собрался?

Ах вот оно что! Такие, как Танит, шагу не ступят без тайного умысла.

Дориан покачал головой и перевел взгляд на подчиненных. Выстроившись на берегу, они терпеливо ждали, когда командир откроет портал в междумирье, и с нескрываемым любопытством поглядывали на них с Танит. Так уж водится у дракхаров Если хочешь, чтобы разговор остался в тайне, лучше беседовать с глазу на глаз. А если общаетесь при всех, будьте готовы к повышенному вниманию.

– Если бы Гай хотел, чтобы ты об этом знала, – ответил Дориан, – он бы сам тебе сообщил.

– Точно, – усмехнулась Танит. – Я и не собиралась допрашивать его мальчика на побегушках.

– Я начальник его личной стражи, – отрезал Дориан. – И выполняю его приказы.

Танит шагнула вперед. Ее красный плащ с шуршанием волочился по гальке, белокурые волосы рассыпались по плечам, и вечерний бриз трепал длинные пряди. Дориан покосился на складки ее просторного шерстяного плаща, под которым свободно можно было спрятать клинок-другой. Зная Танит, Дориан не сомневался, что именно так она и сделала.

– Да, ты начальник королевской стражи, – сказала Танит. – И пока Гай – Повелитель драконов, ты служишь ему.

Дориан окаменел.

– На что ты намекаешь?

Танит стояла так близко, что он чувствовал исходящее от нее тепло. Огонь – вот ее стихия, и Дориана обдавало жаром: их с Танит разделяли считанные сантиметры.

– Ни на что, – ответила Танит. – Я лишь говорю, что начальник королевской стражи подчиняется Повелителю драконов, кем бы он – или она – ни был.

Вот куда она клонит. Танит всегда завидовала Гаю. Ее боялись, а его любили. Все знали: Танит уверена, что из нее получилась бы куда лучшая Повелительница драконов, но то, что она сказала сейчас, даже для нее было дерзостью.

– Гай слепо любит тебя, несмотря ни на что, – проговорил Дориан. – Но мне ты не сестра.

– Нет, конечно. – Танит расплылась в ядовитой улыбке. – Я слышала, у тебя другие привязанности.

Дориан напрягся, и Танит улыбнулась еще шире.

– Я не понимаю, о чем ты, – ответил Дориан и сам осознал, до чего фальшиво звучат его слова.

– «Эта женщина слишком щедра на уверения, по-моему».⁶

Дориан решил не удостаивать ее ответом... Он шагнул вперед, так что одна нога оказалась по щиколотку в воде, а другая на берегу, бросил пригоршню сумеречной пыли, наполовину в море, наполовину на песок, и произнес заклинание, открывавшее портал в междумирье. Поднялись черные вихри, и в мгновение ока стражники исчезли.

– Счастливого пути, – произнесла Танит. Лицо ее скрылось из виду во мраке междумирья, но Дориан и по голосу понял: на самом деле ничего хорошего Танит им не желает.

⁶ Фраза из пьесы У. Шекспира «Гамлет», пер. М. Лозинского. Обычно используется в иносказательном смысле: имеется в виду, что своими протестами говорящий выдает себя с головой.

Глава десятая

Эхо шла по многолюдной Сент-Маркс-плейс, старательно обходя толпы учениц католической школы, расположенной неподалеку. Девуцы щеголяли в неприлично коротких клетчатых юбках, покуривали украдкой. Фильтры сигарет были вымазаны вишневым блеском для губ. Школьницы косились на проходившую мимо Эхо, как будто она представляла угрозу для роскошного особняка, в котором разместилось их учебное заведение, точь-в-точь напротив забегаловки с фалафелем. Эхо на них не глядела. В другой жизни она могла бы быть одной из них.

Новое и старое причудливо перемешались на этой улице: как ни старались городские власти облагородить район, но прошлое упрямо цеплялось за грязные тротуары Ист-Виллиджа. Тату-салон, который по совместительству был блинной, ютился между ярко освещенным баром с замороженными йогуртами и магазином, где, похоже, продавались исключительно футболки с ироничными надписями. Над головой Эхо висел метровый пластмассовый хот-дог – вывеска заведения «Криф Догс», где продавали лучшие сосиски в Нью-Йорке. Эхо распахнула дверь, улыбнулась девушке за прилавком, которая сидела, задрав на кассу ноги в ботинках, и наматывала на палец длинную прядь голубых волос. Девушка не улыбнулась в ответ. Ну и отлично. Эхо сюда все равно не за хот-догами пришла.

Она юркнула к старомодной телефонной будке в дальнем конце кафе, черное дерево и стеклянные двери которой, похоже, сохранились со времен старого Нью-Йорка: Эхо по молодости лет такого и не помнила. Едва она ступила в тесную кабинку и закрыла за собой дверь, как щелканье клавиш ноутбуков и доносившийся из кухни звон посуды тут же стихли. Эхо оглядела сидевших за столиками вокруг будки завсегдатаев кафе, но никто не обращал на нее внимания. Даже если бы они на минуту оторвали глаза от светящихся экранов, то не увидели бы ничего, кроме пустой телефонной будки, которая торчала в кафе исключительно для декора. Но даже если бы кто-то и заметил, как девушка зашла в кабинку, то быстро забыл бы: заклинание, отпугивавшее от будки посторонних, было простым, но действенным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.